

ТМЖОТ

A woman with long dark hair, wearing a grey, form-fitting, strapless dress, is kneeling in a dense forest. She has her hands clasped over her chest and is looking towards the right. The forest is dark and misty, with a greenish glow emanating from the background. The title 'ТМЖОТ' is written in large, glowing green letters at the top of the image.

История о слишком
тесном мире, из которого
не выбраться

ЕВГЕНИЙ
ОГНЕВ

Trendbooks

ЕВГЕНИЙ ОГНЕВ

Тихое

«Издательство CLEVER»

2025

Огнев Е.

Тихое / Е. Огнев — «Издательство CLEVER»,
2025 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00-252723-6

Мощный дебют нового автора Trendbooks – ужасы и хтонь в российской глубинке для всех поклонников сериала «Топаи» и книги Светланы Тюльбашевой «Лес». «Тихое» – захватывающий мистический триллер в духе Стивена Кинга, где за фасадом вымирающего поселка скрываются жуткие тайны. Мрачный авторский юмор, тонкий психологизм и продуманный сюжет, от которого не оторваться! В прошлом перспективный журналист Саня давно отказался от больших амбиций и пишет про звездные скандалы. Предложение заняться серьезным расследованием зверского убийства в колонии Сане не нравится. В деле много странного, замешаны большие люди. Но хуже всего – колония находится в Тихом, поселке, откуда Саня родом и куда он надеялся никогда не возвращаться. Построенное на болотах, Тихое словно затягивает в свои топи. В разбитых стеклах заброшенных домов отражается чернота, и кажется, что из нее вот-вот протянется нечто страшное. Успеет ли Саня выбраться из Тихого, прежде чем поселок заберет свое? Если вы ищете интересные книги с яркими героями, книги для взрослых о потустороннем, книги 18+, которые выпускает издательство Clever, книги интересные о сложном выборе, книги художественная литература, цепляющие с первой страницы, такая художественная литература для вас. Роман «Тихое» – качественная художественная литература взрослая для всех любителей жанра ужасов и триллера.

ISBN 978-5-00-252723-6

© Огнев Е., 2025

© Издательство CLEVER, 2025

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Огнев

Тихое

Привет, дорогие читатели!

Вы держите в руках книгу редакции Trendbooks.

Наша команда создает книги, в которых сочетаются чистые эмоции, захватывающие сюжеты и высокое литературное качество.

Вам понравилась книга? Нам интересно ваше мнение!

Оставьте отзыв о прочитанном, мы любим читать ваши отзывы!

© Евгений Огнев, 2025

Иллюстрации в блоке использованы по лицензии © Shutterstock

Книги – наш хлѣбъ

Наша миссия: «Мы создаѣм мир идей для счастья взрослых и детей»

Глава первая

Честное слово, лучше сдохнуть, чем жить таким неудачником. Но ему и в этом не повезло. Отошли всего метров на двести, а ноги уже промокли. Мерзкая болотистая жижа, которую в Тихом безо всякой на то причины называют землей, залилась в прохудившиеся берцы, пропитала носки и неприятно хлопала между пальцами.

Гена злился, мысленно матеря и работу, и братьев Залепиных, и жизнь заодно – не только свою, а в целом, как явление. За час до насквозь промокнутой обуви Гена представлял, как придет домой, выпьет пару рюмок чего-то, что в магазине считают коньяком, и наконец выспится.

До конца смены оставалось каких-то тридцать минут. И тут в колонии завыл сигнал тревоги. Залаяли собаки, забегали люди, Генка громко застонал. Это в сериалах и кино заключенные сбегают день через день – в реальности это большая редкость и огромная проблема. Обязательно приедут люди сверху. Руководство колонии и вся смена, включая Гену, вынуждены будут запастись вазелином в неприличных количествах. Но это в лучшем случае – если сбежавших удастся поймать своими силами в течение часа, не подключая ни местную полицию, ни, упаси господи, силовые структуры области. Что будет, если дело зайдет далеко, Гена старался не думать.

Итак, у них час, чтобы найти беглецов. По инструкции на одного сбежавшего заключенного в поисковую группу выделяют трех охранников. Когда назначали «добровольцев», Гена уже знал, что ему не повезет, – никогда ему, сука, не везло, он всегда это чувствовал, а в армейке убедился окончательно.

Отслужив, Гена вернулся в Тихое и понял, что делать тут нечего, только спиваться. Подписался было на контрактную службу, но через месяц умудрился получить ранение. И не в боевых действиях, как положено, а в результате нелепой случайности. Кому расскажешь – помрут со смеху. В истории были замешаны костер, патрон и филейная часть Гены. Ну и без немислимой неспрухи, само собой, не обошлось.

Выйдя из больницы, он узнал, что после долгой ходьбы теперь всегда будет прихрамывать и с возрастом это усугубится. Из-за чего на контракт он вернуться не может, да что там – его даже в полицию отказались брать. Кое-как удалось устроиться в колонию около родного поселка, но там Гену сразу предупредили: ни о каких переводах в места получше и речи быть не может. Как и о высоких званиях. Он снова оказался в Тихом, теперь уже навсегда. Начал пить. Старался не уходить в серьезные запои, но ничего себе не обещал.

– Болото, чтоб его! – выругался Палыч, наблюдая, как пес мечется в отчаянной попытке найти след.

Палыч был бородатым сорокалетним прапорщиком. Мог бы стать «батей» для молодых, но с людьми он общался редко: и на старших по званию, и на младших ему было примерно одинаково фиолетово. Палыч всю жизнь возился с собаками – безошибочно еще в помете определял, кто из щенков станет хорошим сослуживцем, а кого можно сразу на руки гражданским отдать.

Кроме Палыча и самого Генки, с ними шел единственный реальный доброволец. Этот правда вызвался сам и был еще одним подтверждением тому, что Вселенная ненавидит Гену всеми своими звездами, галактиками и черными дырами. Его называли Конан – в честь могучего мускулистого варвара. Прозвище он получил, во-первых, из-за созвучной фамилии Кононов и, во-вторых, потому, что охранникам колонии не чужда колкая ирония. Конан был лупоглазым дрищом, который мерз и дрожал от малейшего ветерка, даже летом. А еще он был одним из самых сволочных козлов, каких встречал Генка.

Конан таил обиды, как настоящие, так и надуманные, и гадил всякий раз, как выпадал шанс. Он шептал в уши начальнику колонии о малейших косяках охраны, писал служебные

записки целыми романами, подслушивал, подсматривал и все это использовал, чтобы внаглую идти по головам. Хуже всего, у гада явно были какие-то покровители наверху, так что сделать с ним ничего было нельзя.

Конан был старшим в их тройке. Гена предпочел бы самое убийственное похмелье, чем вот такую ситуацию. Но, как обычно, не свезло.

– Взят! – обрадовался Палыч, когда пес уверенно повел их в сторону леса.

Конан довольно ухмыльнулся и небрежно бросил Генке:

– Сообщи второму звену.

Гена послушно достал рацию, но она зафонила. В этих местах такое бывает. Он еще повозился с аппаратурой, но, наслушавшись пицаний и белого шума, плюнул и крикнул:

– Взяли след!

Метрах в ста от них шла вторая тройка. Смысла идти рядом не было, главное – из виду друг друга не терять. Парни показали большие пальцы и пошли параллельно звену Генки.

– Ты чего творишь, сержант? – налетел на него Конан. – Инструкцию по диагонали, что ли, читаешь?

– Так рация... – начал было Гена.

– Хренация! – моментально отозвался Конан. Судя по злой радости в глазах, он был крайне доволен своим ответом. – Связываться с другими звеньями можно только по радиосвязи. До обнаружения сбежавших!

Он был прав, вот в чем беда. С другой стороны, любитель правил и инструкций, Конан, как обычно, за деревьями не увидел женского монастыря. Кричать было нельзя, потому что сбежавшие могли услышать и узнать расположение поисковой группы. Только вот братья Залепины убежали еще до рассвета и вряд ли решили остаться в открытой низине около стен колонии.

Очень хотелось сообщить все это надменной лупоглазой роже, но Генка сказал:

– Понял, товарищ лейтенант. Виноват, исправлюсь.

На взгляд Конана, унижений явно было недостаточно.

– Понял он... Головой думай, Моряков, а не тем местом, куда тебе там пуля прилетела!

Он весь аж светился от счастья – надо же, поддел подчиненного.

Отряд направился к лесу. Лес радовал Гену только тем, что почва там была потверже. В остальном он с детства ненавидел эти мрачные деревья, которые окружали Тихое. И дело даже не в старых легендах, просто леса в их местности правда выглядели... как-то хтонично. Он таких больше нигде не видел.

– Похоже, в Коттедж ушли, – сообщил Палыч.

Собака действительно вела в том направлении.

– Дебилы, – усмехнулся Конан.

– А вы бы куда на их месте пошли, товарищ лейтенант?

Конан замялся. Его хрупкое эго требовало выдать какой-нибудь гениальный ответ, но мозг предложил только:

– К поездам.

– Ага, – отозвался Палыч, – это, получается, через поселок. Ну и как, вы думаете, местныеотреагируют на двух мужиков в арестантских робах?

Конан не нашелся с ответом. Палыч усмехнулся и пошел дальше, а лейтенант проводил его взглядом: «Ты у меня теперь в черном списке!»

К Коттеджу вела тропа, но, судя по тому, как шла собака, сбежавшие братья Залепины в темноте иногда теряли ее из виду. Тем не менее направления они держались.

– После Коттеджа куда они дальше пойдут? – спросил Гена. Не то чтобы очень хотел знать, просто здесь, под кронами деревьев, чьи стволы были покрыты густым мхом, ему становилось неуютно, а Палыч внушал хоть какую-то уверенность.

– Да вариантов всего два. Либо дальше в леса – заблудиться и слдохнуть. Либо на дороги выходить, но там их поймают. Обычно ээки выбирают дороги.

Генка не стал сообщать очевидное: если Залепины хотели выйти к дорогам, то идти им надо было не в сторону Коттеджа.

Будто прочитав его мысли, Палыч продолжил:

– Но эти двое – мужики матерые. Считаай, в тайге выросли. Могут и попытать счастья в дикой природе.

– И на хрена смертную казнь отменили? – неожиданно сказал Конан.

Палыч и Гена вопросительно переглянулись. А лупоглазый продолжил, будто его кто-то спрашивал:

– Надо расстреливать вообще за любую фигню. А то ворье это – оно ж ничего не боится. Посадят их на пару лет всего, да еще по УДО выпустят. А если будут знать, что за малейший косяк – расстрел, у нас уже через пару лет преступников не останется.

– А если невиновный? – спросил Палыч.

– Чего невиновный?

– Ну, если расстреляют, а окажется, что он не совершал преступления.

Конан подумал и выдал:

– Не, таких не надо расстреливать.

Гена диалог пропустил мимо ушей, потому что вдруг поймал себя на том, что не слышит звуков леса. Только шелест ветра в редкой листве. Ни птиц, ни даже мерзкого стрекотания и жужжания насекомых.

– Глухо как-то...

– Утро, – пожал плечами Палыч.

Но Гена знал, что в это время нормальный лес уже полон звуков.

– Осторожнее, опять с тропы сходим, – заметил Палыч.

Едва он это сказал, как нога Генки ушла под воду до колена.

– Твою ж!

– Ну предупредил же, Гена!

Только что трава под ногами казалась обычной, и вот уже эта зелень – болотная растительность, скрывающая под собой мутную воду. Лейтенант громко заржал и, хотя стоял рядом, руки не подал.

Скоро вернулись на тропу. До Коттеджа оставалось всего ничего, когда они услышали истошные крики. Палыч перешел на бег. Генка схватился было за рацию, но тут она сообщила: «Слышали! Бежим к Коттеджу!»

Обе тройки подошли к зданию одновременно. Коттедж – еще одно название, придуманное охранниками колонии, рожденное в бесконечной черноте их юмора. На самом деле это было покосившееся здание с наполовину обрушенной крышей – квадратов пятнадцать, не больше. Ближайшая к колонии постройка появилась задолго до исправительного учреждения. Вроде бы очень давно Коттедж использовали охотники.

Впрочем, Гене было не до архитектуры с историей: Андрей, старший из братьев Залепиных, сидел на земле недалеко от входа в Коттедж и истошно выл. Он весь был в крови, словно искупался в ней.

– Руки! Руки! – закричал он, едва увидел людей в форме. – Клянусь, мужики, это не я, это руки!

Глаза у него были безумные, а слюна изо рта вытекала каким-то совершенно собачьим манером. Андрей упал на землю и начал кататься, пытаясь содрать окровавленную тюремную робу. Орать при этом не прекратил.

Ребята из второй тройки смотрели на это зрелище с недоумением, да и сам Генка порядком растерялся. Только Палыч сохранил хладнокровие. Он подошел и деловито нанес удар.

Прикладом автомата тюкнул в затылок заключенного, и старший из братьев остался неподвижно лежать на земле.

– Сбежать пытался, – сообщил остальным Палыч.

Все кивнули. Когда их спросят, откуда у заключенного шишка на голове, а какой-нибудь дотошный хрен сверху спросит об этом обязательно, они так и ответят. Палыч задержал взгляд на Конане. Тот неотрывно смотрел на окровавленного Залепина.

«А ведь ты трус, – подумал Генка. – Ты наверняка свою злобу объясняешь тем, что мир с тобой фигово обходился. Одноклассники за внешность поддразнивали. Девчонки за спиной хихикали. Но злой ты не из-за них. А потому что ты боишься всего на свете и поэтому на все на свете бросаешься».

– Да... Верно, товарищ прапорщик, – наконец нашелся лейтенант. – Он пытался сбежать.

Палыч сказал парням из второго звена вязать лежачего. Отдал им собаку. Та как-то странно поглядывала на Коттедж и не столько рычала, сколько недовольно ворчала.

– Надо пойти, – сказал прапорщик, показывая на Коттедж. – Гена?

Гена кивнул. Не хотел идти, конечно, но знал, что придется. Как обычно – невезуха.

– Товарищ лейтенант, – сказал Палыч.

– Да-да... Вы идите, разрешаю...

– Без старшего в звене не имеем права, – неожиданно для себя произнес Гена.

Палыч посмотрел на него удивленно, а потом усмехнулся одними уголками рта. В глазах Конана, конечно, улыбки не было, только обещание больших проблем в будущем. Но Гена мысленно показал ему средний палец: он был прав, по инструкции вести звено должен старший. Будь тут только Палыч и Генка, Конан, возможно, и выкрутился бы. Но парни из второго звена стояли рядом и наблюдали. Ну и запоминали, конечно.

Конан громко засопел, а потом схватился за автомат, демонстративно перехватил его поудобнее и пошел к Коттеджу. Но когда они зашли внутрь, то поняли: вопросов о синяке на затылке старшего из братьев Залепиных не возникнет.

Гена находился в помещении секунд пять, максимум десять, но ему эти мгновения показались вечностью. Каждый элемент картинки, каждый оттенок запаха – все отпечаталось в его разуме, будто наколку набили. Стараясь не опираться на стены, Генка шатаясь вышел из Коттеджа и увидел на улице Конана. Тот стоял на коленях, его рвало.

– Вызы... вызывайте! – не столько орал, сколько выл он между приступами. – Всех!

Конана трясло от ужаса, его крики из-за тошноты перешли в нелепый скулеж. Парни из второго звена ржали, но, увидев бледного Генку, мигом замолкли.

– Что там такое? – спросил кто-то из них.

Гена махнул на них рукой, мол, отвалите. Горло сжалось так, что он еле дышал. Какой тут говорить.

В полубредовом состоянии очнувшийся старший Залепин бормотал:

– Руки. Это все... руки.

* * *

Глядя на ухоженную ведущую теленовостей в окружении модных декораций, сложно представить, в какой выгребной яме создается телевидение. Из прокуренных, несмотря на запрет, туалетов мимо воняющих потом каморок монтажеров звезды экранов бегут в свои тесные гримерки с облупившимися еще при Горбачеве стенами, по пути запинаясь о многочисленные кабели и реквизит, то ли кем-то давно забытый, то ли кем-то недавно подготовленный.

Саню бесило, что в этом смысле «новые» СМИ не так уж далеко ушли от «старых». Смотришь на крутейший дизайн интернет-издания «Сейчас!» с его, хоть на выставку, фотографииями, с видеорепортажами, оформленными подчеркнута стильно и современно, испытываешь

эстетический оргазм от верстки, шрифта и удобства приложения – и ни за что не поверишь, где это все делается.

Саня ехал в лифте, который он, несмотря на весь свой лексикон, не мог назвать иначе как обрыганским. Лифт открылся, демонстрируя обрыганский же холл, где за обрыганскими рабочими местами трудились дизайнеры, райтеры, менеджеры и прочие сотрудники «Сейчас!».

Владелец издания разумно рассудил: ему нужна красивая продукция, а в насколько убогом цехе она создается – какая, в общем-то, разница? Поэтому он выкупил этаж в здании закрывшегося научно-инженерного института и даже мебель в нем менять не стал. Если стоит и не разваливается, считай, подходит.

Сегодня офис раздражал Сашку особенно сильно. Потому что его вызвал к себе шеф, а это почти так же плохо, как сдать в больнице анализы, а потом получить оттуда звонок от онколога. У шеф-редактора, понятное дело, был отдельный кабинет. Саня постучал в могучую дверь и мгновенно услышал:

– Входите!

До этого момента Саня еще надеялся, что завертевшемся в делах шефу будет просто не до него. Не вышло.

Борис Михалыч, шеф-редактор «Сейчас!», выглядел как средней руки торговый центр. Такой же яркий и нелепый. В свои почти пятьдесят он носил серьгу в ухе, футболки с яркими принтами на пузе, курил вейп и без всякого стеснения и иронии употреблял слова вроде «гаджет» и «девайс». Выглядело, как будто кто-то взял старый УАЗ «буханку», обвешал его карбонам, нацепил спойлер и нарисовал около колес пламя. Это с одной стороны.

С другой, и Саня прекрасно это знал, весь этот лук (еще одно слово, которое Борис Михалыч мог произнести без всяких ужимок) не был напускным. Шеф если и не был в тренде постоянно, то держался на плаву очень даже уверенно. Такой незашоренности и открытости новому и у многих двадцатилетних не встретишь. Собственно, именно это весьма редкое качество вкупе с огромным опытом журналистской работы и позволило ему возглавлять одно из самых популярных интернет-СМИ страны. Нет, Михалыч, конечно, мог по-стариковски обругать какую-нибудь новинку, но, будьте уверены, перед этим он новинку заюзал (да, он так бы и сказал) вдоль и поперек.

– Щас, секунду, Санек! – после очередной затяжки сказал шеф и продолжил что-то читать с монитора.

Саня присел на один из свободных стульев. Обычно на утренних планерках он сидел тут в окружении других сотрудников. При этом за тридцать-сорок минут он произносил в среднем ноль целых ноль десятых слов. Потому что какие могут быть вопросы к тому, кто отвечает за колонку про кино и сериалы? Пятьдесят процентов работы Сани – это своими словами пере-сказать то, что было написано в пресс-релизе, присланном каналом или кинодистрибьютором. Такой-то сюжет, такие-то актеры, очередной шедевр, короче, обязательно посмотрите!

– Етить, ну сколько можно эту тему дрючить? – дочитав, спросил шеф с некоторой брезгливостью.

– Опять про Нефеева? – догадался Саня.

Эта фамилия за последнюю неделю и вправду успела нормально так заколебать. Певца застукали с любовницей, и ладно бы, дело житейское, только ведь он всю свою публичную карьеру строил вокруг того, какой он преданный муж и прекрасный семьянин. Каждую вторую песню жене посвящал, а вон как вышло...

– Ага. На этот раз по поводу ситуации высказался... – Шефу пришлось пролистать, чтобы найти имя. – Известный блогер Васян Кислый. И своим, значит, высказыванием он поднял новую волну обсуждения в Сети. Кто он вообще, блин, такой?

– Васян? Ну, он треш-стримы ведет...

– Да я в курсе, почему его все знают. Я спрашиваю: кто. Он. На хрен. Такой? Вот по жизни. В нем личность вообще какая-то существует? Он что-то как индивид с мозгом из себя представляет?

И прежде чем Саня успел хоть слово вставить, шеф продолжил:

– Да ни хрена! И вот теперь, когда мы это выяснили, кому какая разница, что он и о чем думает. Или говорит, что думает.

Саня не сдержался, ухмыльнулся.

– Чего ржешь? – спросил Борис Михалыч.

Саня покачал головой, надеясь, что шеф докапываться дальше не станет. Но тот стал:

– Говори-говори, чего смешного-то?

– Да просто. Вы вот вроде такой прогрессивный. Сидите, вейп перезаправляете. А на самом деле в глубине души вы все равно про какую-то старую школу, что ли. Про великую журналистику. А это грязное белье звезд, все эти блогеры – это все равно не ваше, хоть вы в этом и разбираетесь.

Теперь уже усмехнулся Михалыч:

– Интересно, что мы сегодня именно об этом заговорили. Судьбоносно, я бы сказал.

И, резко меняя тему, продолжил:

– Как тебе твоя работа вообще?

Саня понял, что они приближаются к причине его вызова. Тут следовало быть осторожным. Поэтому он сказал, что работа у него нормальная и вообще она ему очень нравится.

– А не должна! – выпалил шеф и в подтверждение своих слов громко поставил на стол использованный пузырек с жижей для вейпа.

Саня напрягся. Он и так чувствовал, что вызов в этот кабинет не хеппи-эндом закончится, а теперь был в этом уверен на всю катушку:

– Почему это?

– Потому что, Сашка, работа у тебя хреновая. Не в смысле, что ты ее делаешь хреново. Делаешь ты ее... Ну вот как ее можно делать, так ты ее и делаешь. Она сама по себе хреновая, понимаешь? Дебилизирующая.

– Нет такого слова, – на автомате поправил Саня.

– В задницу иди. Я тут шеф-редактор, мне решать, какие слова есть, а каких нет. Ты когда два года назад сюда устраиваться пришел, я тебе что сказал?

– Что у меня неплохие статьи и эссе...

– Неплохие?! – возмутился Михалыч и полез в верхний ящик стола. – Да они у меня... они у меня... – Он перебирал кучу бумаг и мусора в ящике, пока наконец не сдался. – Короче, они у меня прямо тут где-то лежат, вот насколько они были крутые! «Крутые статьи! Офигенные эссе!» – я тебе тогда сказал! Видно было по ним, что ты человек проницательный и вообще очень сильно не тупой! Хороший будущий журналист. «Далеко пойдешь» – вот что я еще говорил. Но штат у меня не резиновый, мест не было, и поэтому пока, я подчеркиваю, я сказал тебе «пока», поработай, мол, вот в этой колонке. Про фильмы пиши да сериальчики.

Саня окончательно потерял курс. Очевидно было только, что встреча с айсбергом неизбежна.

– Я ждал, – продолжил Михалыч, – что ты поработаешь там пару месяцев. Максимум полгода. Потом подойдешь и скажешь: «Михалыч, твою мать, древняя ты окаменелость, дай уже нормальную работу». Мы же тут не про туфту, Саня! У нас такие журналоги работают, что им за их статьи приходится из страны бежать! Алексеев вон в прошлом месяце так эту историю с разорившимся банком всковырнул – головы аж в министерстве полетели! А ты так и сидишь... Считай, наравне с этими вон...

Шеф ткнул вейпом в монитор со статьей про блогера, который как-то там прокомментировал семейные страсти певца.

– Тебе скоро тридцатка, Сань.

– Ни разу не скоро! – возмутился журналист. – Через два года только...

Шеф пропустил мимо ушей и продолжил:

– Кризис среднего возраста нагрянет... И ты задашь себе тот же вопрос, который я тебе сейчас задам: где тот парень с горящими глазами, который пару лет назад, фигея от собственной наглости, сам пришел ко мне из бесплатной газетенки? У которого, – шеф постучал по верхнему ящику стола, – мысли в башке какие-то были.

– Повзрослел. Поумнел.

– Испугался, короче?

Саня откинулся. Под улыбку шефа скрестил руки на груди. Знал, что выглядит сейчас как зажавшийся, обиженный ребенок, но ничего с собой поделывать не мог.

– Не всем же за Пулитцером бегать. Кто-то должен рассказывать, чем вечером можно заняться.

– Кто-то должен, – легко согласился начальник. – Но почему ты?

Саня вздохнул. Дело правда было не в страхе. По крайней мере, он хотел бы так думать. В большей степени причиной было банальное разочарование. Сегодня, за всем информационным шумом, даже лучшие журналистские работы восхищают и будоражат ровно столько времени, сколько пальцу нужно, чтобы свайпнуть ленту новостей.

Статья Алексеева про зажавшееся руководство банка, которое умудрилось обмануть не только вкладчиков, но и государство, безусловно, принесет и ему, и изданию пару каких-нибудь наград. Только вот самому Алексееву теперь до конца дней ходить и оглядываться, а люди уже даже название банка забыли. Потому что у них теперь в голове один Нефеев. И на кой, спрашивается, это все?

– Чего вызвали-то, Борис Михайлович?

Вместо ответа редактор достал телефон, открыл в нем переписку с одним из своих многочисленных информаторов, а потом небрежно, как будто в руках у него был не новенький айфон, кинул его Сане. Тот поймал, начал читать и... провалился в самую странную и жуткую историю в своей жизни.

* * *

Это была длинная ночная переписка между Михалычем и контактом, который он в своем телефоне назвал «Данила Красноармеец». Началась она как совершенно деловая: информатор сообщал редактору сведения, которые могут заинтересовать издание. По дальнейшим вопросам и ответам было очевидно: Михалыч и Данила знакомы много лет, а судя по росту количества опечаток, восклицательных знаков и мата, оба во время общения выпивали.

Закончив, Саня вернулся к началу и перечитал первые сообщения еще раз – наконец картинка складывалась.

Итак, Данила Красноармеец – не просто старый приятель редактора «Сейчас!», он еще и крупная шишка во ФСИН. Судя по намекам, в Федеральной службе исполнения наказаний намечались передвижки. Разборки элит – ничего нового. Это всегда происходит, но обычно на люди не выносятся. Патриции грызутся друг с другом, но, если в дело полезут плебеи, достанется в первую очередь плебеям. Сохранить статус своего класса – так сказать, оставить пирог у себя – это важнее всего. А поделить его можно и потом.

Только конкретно в этой локальной войнушке то ли сам Данила, то ли люди, в чью клику он входит, решили использовать издание «Сейчас!». Показать народу кое-чье грязное белье – смотрите, мол, срамота-то какая. Причем на самых высокопоставленных оппонентов найти грязи либо не вышло, либо, что подозревал Саня, опубликовывать это просто не посмели. Но

вершина всегда на что-то опирается, и вот по одной такой опоре Данила и предлагал дать залп. И надо сказать, пороха он не пожалел.

«Богданов Игорь Валерьевич, начальник одного малоизвестного пенитенциарного учреждения», – сухо написал Данила Красноармеец в начале. А спустя сорок минут переписки продолжил: «Та еще сволота и воруга. Но хитрый, как черт: всегда чувствует, когда и сколько “можно”, с кем надо поделиться и когда стоит сесть на задницу ровно, мол, я не при делах.

Что касается непосредственно работы, Игорь Валерьевич умело организует “тишину”, а это для начальника подобного заведения самое важное. То есть, может, там, в его колонии, и бывали какие инциденты, может, с его зэками когда что и случилось, может, даже появлялись чересчур упертые адвокаты или охранники с неожиданно проснувшейся совестью, но Богданов всегда умел припугнуть или дать на лапу и таким образом тихо абортировал намечающийся скандал. “Крепкий хозяйственник” – так сегодня говорят о всяких таких Богдановых.

Но тут он здорово прокололся. Все сделал, чтобы об этом никто не узнал. И в другое время ФСИН с радостью бы помог ему это дело скрыть, но в этот раз Богданов попал под перекрестный огонь. В колонии случился побег, – объяснял Данила. – Не какой-нибудь “Шоушенк”, понятное дело. Ерунда, по сути, а не побег: два брата (о них чуть позже) дали деру, выследили их меньше чем за час. Даже местную полицию привлекать не пришлось. Но вот дальше... Дальше полная херобора, Михалыч.

Залепины Андрей и Василий. Андрей – постарше и тупенький. Василий, соответственно, помладше и совсем debil. Выросли в Новосибирске. Не том, который сейчас, а в Новосибирске девяностых. Когда Академгородок пустел – умные люди уезжали из страны целыми вагонами. Когда предприятия приватизировались и тут же к такой-то матери закрывались, потому что новым хозяевам было дешевле распродать все, вплоть до лампочек, чем налаживать конкурентоспособное производство. То, что люди при этом работы лишались, не волновало примерно никого. Это был хреновый Новосибирск. С бандюгами, переделом власти, бедностью и обгаженными подъездами. И как назло, именно сюда переехали Залепины, буквально за год до того, как все это началось.

До переезда Залепины жили в глухой таежной деревне, – писал Данила, – и, чуёт мое сердце, для них было бы лучше там и остаться. Но нелегкая потащила их отца с матерью в город, а с ними и пацанов, само собой. Андрею было шестнадцать, Василию вот-вот должно было стукнуть пятнадцать. Косая сажень в плечах, кулаки размером с голову, а сами головы – как бескрайний Русский Север: огромные и пустые, только ветер гуляет. У них даже шанса не было не оказаться сначала в какой-нибудь гоповской, а потом и бандитской среде. Ну и оказались. А дальше не жизнь, а сплошные оглашения приговоров: грабеж, нанесение тяжких телесных, снова грабеж.

Итак, к своему четвертому десятку лет Залепины оказываются в учреждении Богданова. Андрей, говорят, еще ничего, терпимый был человек. А Василий – то ли мазохист, то ли и вправду совсем идиот, очень уж любил задираТЬ охрану. Ему в колонии было особенно несладко. Ты только прикинь, что придумал этот debilа кусок, – сообщал информатор Михалыча. – Невзлюбил он одного охранника, вечно его провоцировал. А однажды идет этот охранник мимо камеры, а там на стене – лист А4, на котором распечатано фото его дочери-красавицы. Девка только школу окончила. А Залепин внаглую смотрит на эту фотку и... наяривает, короче.

Там, на месте, имеется свой человек, – продолжал Данила. – Ржать будешь, но, говорит, Василия Залепина натурально устали избивать. Ну, то есть он, скотина здоровая, отлежится пару дней после побоев и опять за свое. А у ребят из охраны костяшки сбиты, мышцы растянуты, у кого вывихи, им даже влом было его опять мутузить.

Но, видимо, в какой-то момент младший Залепин перегнул палку. Тут сведений мало, все произошло в ночь, когда нашего человека там не было. Что с Василием сделали, неясно, но

в общем и целом – все, что твоя больная фантазия способна представить, то и могли. Наутро Васю как подменили. Он стал тихий, даже зашуганный. Сначала думали, прикидывается, но если так, то театр затягивался. Андрей, старший брат, давай требовать адвоката, писать какие-то там обращения. Мол, Васю ночью куда-то сводили и что-то там с ним сделали – он теперь сам на себя не похож. Там бред покруче, чем на канале “Рен-ТВ”, мол, то ли Василию мозг облучили, то ли вообще часть этого самого мозга удалили. Это уже все, конечно, ахинея, но, судя по искреннему испугу Андрея, его брат и правда не просто включил дурачка.

С заткнувшимся Залепиным-младшим в колонии даже наступило какое-то подобие мира и покоя. Им наслаждались целую неделю. А потом вот тебе – побег. В детали вдаваться не буду, – писал Красноармеец, – но ничего гениального там не было, им больше повезло. Как бы то ни было, выбраться из колонии они смогли. Дальше никакого плана у них, очевидно, не имелось. Ночь, вокруг болота и леса. Дорога, ведущая к поселку, ясное дело, – верный способ сразу же попасться. Они дали деру в лес, нашли там старую охотничью избушку, местные ее Коттеджем называют, и вот что там произошло, черт его знает. Уже когда два звена охраны, которые их разыскивали, подошли к Коттеджу, в живых был только старший брат.

А теперь глянь-ка вот на эту жесь».

Далее в переписке шло несколько фотографий. Сделаны они были явно на дешевый телефон одним из охранников, и сначала разобрать на них было ничего невозможно. Это потом, мысленно возвращаясь к моменту, Саня понял, что его мозг просто отказывался собирать целостную картинку.

Тело Василия лежало у одной из черных бревенчатых стен. Впрочем, то, что это тело, понять было непросто – перед глазами вставало месиво из плоти, крови, выделений, которым место исключительно внутри организма. Рядом с... Васей – когда-то это, видимо, был он – лежали осколки стекла. Похоже, они и стали орудием убийства. Убийца же проявил какую-то маниакальную настойчивость. Он искромсал Васю, выпотрошил, не оставив на нем ни сантиметра живого места. Удары наносил бешено, с огромной силой и кровожадностью, оставляя глубокие рваные раны. С немыслимой жестокостью отделял мышцы, связки и прочие ткани друг от друга, разрывал их, будто целью было не просто убить человека, а вывернуть его наизнанку.

Глядя на жуткие фото, Саня буквально чувствовал запах крови и экскрементов. А осматривая труп, просто невозможно было поверить, что такое мог сделать человек. Если бы не окровавленные стекла, могло показаться, что тут случилось нападение бешеного животного. Во всем этом ощущалась даже не злость, типичная для убийства, а какое-то подавляющее безумие.

Далее переписка прерывалась матом Михалыча. Наконец, успокоившись, редактор «Сейчас!» задал информатору вопрос: «А зачем Андрей сделал *такое* с младшим братом?»

«Прикол в том, – ответил Данила, – что, по его словам, он этого и не делал. Андрей утверждает, что все это с Василием сделали... руки. Короче, он сейчас в психушке под строгим наблюдением. Нам, в общем-то, и плевать, кто и почему это сделал. Это серьезный залет. У нас не сталинский ГУЛАГ, нынче за смерть эзков могут и головы полететь. А уж если всплывут подробности, засветятся фотографии... Короче, к такой колонии будет много вопросов. А главное – много вопросов будет к ее начальству, которое в нашей беспокойной ситуации быстро может стать бывшим. Что, как ты понимаешь, и требуется».

* * *

Саня вернул телефон на стол. Его хозяин протянул журналисту свой вейп.
– Пара затяжек после такого не грех, – сообщил Михалыч.
Саня отказался. Горло и так неприятно сжалось подступающей тошнотой.

– Ну валяй, – Михалыч откинулся в кресле и закурил сам, – задавай вопросы.

– Первый: а почему «Красноармеец»?

Редактор рассмеялся:

– Вот зараза! Удивил. Ладно, история такая. Данила этот, как ты понимаешь, человек... непростой. Ездит только на хороших иномарках. А правила соблюдать не очень любит. Короче, он сначала разбил новенькую БМВ. Потом мерс. Потом еще две БМВ было. В общем, как и положено доблестному красноармейцу, кучу немецкой техники угробил... Какой второй вопрос?

– Чего вы от меня хотите? Фото у вас есть, информация тоже...

– Это хвост. А я хочу, чтобы ты за него потянул. – Михалыч ткнул пальцем в телефон. – Я наутро созвонился с Данилой. Он тебе обеспечит, только со стула не падай, встречу с Богдановым. Приказ придет с самых верхов, так что отмазаться он не сможет. На основании того же разрешения ты сможешь и с охраной поговорить, через них, может, еще что накопишь. У нас статья не про одного мертвого зэка получится, а про целую жуткую колонию с нелепыми отмазками начальства.

– Да не скажут они ничего...

Михалыч предупредительно поднял палец:

– А вот тут ты не прав! Не успеет он – ни им рты заткнуть, ни сам подготовиться. Он сейчас сидит и думает, что у него все шито-крыто: новость нигде не всплыла, со всех сторон его прикрыли. А приказ получит, когда ты у него уже под дверью будешь сидеть.

Довольный Михалыч хлопнул в ладоши. В его голове уже вырисовывалось новое журналистское расследование. Понятно, что не совсем честное. Понятно, что, зарывая одних уродов, оно будет играть на руку другим. И все же такие материалы заставляли Михалыча чувствовать, что он руководит серьезным изданием, что четвертая власть – все еще власть.

– Третий вопрос, – сказал Саня. – Почему именно я?

Редактор снова расплылся в улыбке.

– Потому, – ответил он, – что речь идет о колонии номер шестьсот тринадцать. И располагается она в известном тебе поселке Тихое.

Вот тогда Саня действительно захотел закурить.

– Вы шутите? – Он слышал, как его голос стал на тон выше, и ненавидел себя за это, но поделать ничего не мог.

– Нет, – серьезно ответил Михалыч. – Ты думаешь, при поступлении на работу я просто так прошу людей буквально всю свою биографию описывать? Где жили, учились, чем в свободное время занимались... с кем знакомы? Это ж все пригождается, Саша. Вот и сейчас пригодилось, что ты до старших классов жил в этом самом Тихом. Друзья-знакомые там остались. Кого-то, может, не помнишь, так вспомнишь при встрече. И наверняка удивишься, что многие помнят тебя. Это ты в большой город переехал. Новые связи, новая жизнь. А для тех, кто остался, ты – Тот Самый Сашка, Который Уехал В Столицу.

Саня всерьез раздумывал о том, чтобы отказаться. Нет, до тех пор, пока он не услышал про Тихое, предложение звучало... Да круто оно звучало, чего уж. Многие журналисты годами работают, чтобы им такой материал приехал, а тут вот он тебе – на блюде. И даже желание спокойно заниматься своей незаметной работой уже отступило на второй план. Потому что да, глубоко в душе Саня остался тем человеком, который не просто так на журфак поступал. Но Тихое... Тихое, чтоб его.

– Не хочу, – наконец сказал он.

– А я что, вопрос задал? Я говорю – поедешь. И эту бестолочь с камерой с собой возьмешь. Он достал меня уже. Говорит, у нас в каких-то там клубах закрытые вечеринки проходят, с минимумом одежды – весьма эпатажные, и он хочет фоторепортаж по ним сделать.

Речь шла о Паше, о ком же еще. В вопросах фото он был настоящим гением, несколько престижных премий выиграл. Но для Михалыча он был «простоватый, туповатый и вообще бесит».

– Борис Михалыч...

– Саша! Есть два стула. На одном – ты едешь в Тихое, делаешь репортаж, возвращаешься и дальше сам решаешь, писать тебе фигню из раздела культурных событий или пойти в серьезную журналистику. Обещаю, приму любой твой выбор.

– А второй стул?

– А второй стул... я у тебя стырил.

Саня встал. Голова гудела, будто с похмелья. Тихое... Он уже почти вышел в коридор, когда редактор окликнул его:

– Саня! Привези мне хороший материал. Потому что... – Михалыч ткнул пальцем в монитор: там все еще висела статья о постельной жизни молодого певца. – Если в ближайшие месяцы мы будем публиковать только вот такое, я сожгу это место к чертовой матери, и Бог мне судья.

* * *

Павел был на полголовы выше и почти в два раза крупнее Сани. Свитер распирало от мышц, а уж когда Паша появлялся в редакции в узкой футболке – девчонки головы сворачивали. Но сейчас он еще и тащил огромные сумки с оборудованием и оттого казался просто огромным.

Удивительно, как он вообще на перрон помещался. Повезло, что их поезд уходил ночью и людей было немного, иначе кого-нибудь Пашка своими сумками обязательно бы зашиб. Саша был на сто процентов уверен, что ни штативы, ни осветительные приборы, как и большая часть из тонны различных кабелей, им не понадобятся. Но поди объясни это Пашке.

– Мало ли что. А у меня оп – и VGA-кабель под старые мониторы! Шеф сказал, ты там будешь вопросы какому-то челику задавать. – Пашка гордо постучал по сумке с лампами и световыми коробами. – Снимем круто, как в кино у Тарантино.

– Паш, вряд ли он разрешит даже фотографировать. Seriously, зря ты это тащишь. Твоя задача фактуру поснимать – поселок, саму колонию...

Пашка прижал сумки к себе, как ребенок, у которого вот-вот отберут игрушку.

– Пригодится! – хмуро сообщил он.

Пока ждали поезд, Павел успел рассказать Сане, как его расстраивает, что Михалыч не отправил с ними Таню.

– Девчонке вообще не помешала бы поездка. Опыту бы набралась...

Все это звучало как бы между прочим, но, зная говорящего, Саня сразу обо всем догадался:

– Твою мать, Пашка, спишь с ней, что ли?

Павел сделал круглые глаза, которыми выдал себя подчистую.

Саня покачал головой:

– Ну етить твою, Паш! На кой черт ты с практиканткой замутил? Ты прикинь, если Михалыч узнает? Или ее в штат возьмут, а потом это всплывет? Это ж клеймо – попала на работу через постель. Вообще не угадаешь, какие тут могут быть последствия, но обязательно хреновые.

Паша пожал плечами, потом улыбнулся:

– Ну раньше как-то везло... Обходилось без последствий.

Саня закатил глаза. Вразумить Павла в отношении женского пола было ничуть не проще, чем насчет взятого «на всякий случай» оборудования.

– Ты-то как? Так обратно и не сошлись?

– Не сошлись, – ответил Саня чуть грубее, чем хотел. – Нормально я.

Поезд был проходящим, так что, когда он наконец прибыл, народу в нем уже было более чем. К счастью, редакция раскошелилась на СВ, и в душном забитом плацкарте им ехать не пришлось.

Едва проводница проверила документы и закрыла за собой дверь купе, Паша расстегнул одну из сумок и достал из нее бутылку коньяка и закуску. Последняя была аккуратно нарезана, красиво разложена по пластиковым тарелкам и заботливо укутана пищевой пленкой. Сомнений в том, что над ней поработала женская рука, не было.

– Таня постаралась, – прокомментировал Саша.

Павел непонимающе посмотрел на него, потом на закуску:

– А, ты про это. Не... Танька, она никакая на кухне, даже бутерброд не нарежет. Это Светка молодец.

Увидев хмурый взгляд Сани, фотограф поспешил оправдаться:

– Светка не у нас работает!

Пашка потянулся было открыть коньяк, но Саня сообщил, что пить ему не хочется. Он вообще старался как можно меньше взаимодействовать с алкоголем, с тех пор как остался один. Понимал, что, если даст слабину, штопором улетит в запой и, возможно, уже никогда из него не вынырнет.

– И правда, – легко согласился Паша. – Как-то глупо сразу с коньяка начинать. – И достал из бездонной сумки несколько банок пива.

На пиво пришлось согласиться.

Саня выглянул в окно – Москва удалялась от него дом за домом, квартал за кварталом, а где-то через полчаса он и вовсе оставит ее далеко позади. Невольно вспомнился его приезд сюда пятнадцать лет назад. Тогда, впрочем, происходящего за окном он не видел. Очень хотел, но мама настаивала – открывать шторку нельзя ни в коем случае. Саше даже приближаться к окну нельзя было...

– Слушай, – голос Пашки хлестнул Саню, вырвав из воспоминаний, – а правда, что ты ехать не хотел?

Саня кивнул.

– Я жил в Тихом, – признался журналист. – И в общем... Такое себе у меня было детство.

Пашка понимающе кивнул и таки открыл коньяк.

Под ритмичный стук колес Саня даже не смог уловить момент, когда начал засыпать. Вроде только что они с фотографом что-то такое обсуждали... Анекдот он рассказывал какой, что ли? И вдруг Саня понял, что он спит, но снится ему, как он едет с Пашкой в этом самом поезде. Не считая звуков движения состава, в вагоне тихо. Не считая фонарей, которые они иногда проезжают, – темно.

Саня лежит и не двигается... Вроде бы... Или нет? «Камера», снимающая его сон, взлетает выше, поднимается над облаками и еще дальше... Она покидает атмосферу, летит сквозь черноту космоса и наконец застывает. И Саня видит Землю, которая вращается вокруг Солнца, и окончательно понимает, как он заблуждался. Он движется, черт, да еще как! Вместе с планетой он несется сквозь пространство со скоростью тридцать тысяч километров! В секунду! Куда быстрее звука. Скорость просто невозможная! Его хрупкое тело из мяса и костей не имеет права двигаться так быстро! Любая преграда, любая песчинка на пути превратит его в кровавые ошметки. А он летит и ничего с этим поделать не может, и только какая-то там жалкая гравитация удерживает его связь с Землей. Но за эту самую гравитацию не схватишься, ее не потрогаешь, даже просто увидеть, чтобы успокоить себя, ее невозможно.

И вот сквозь сон Саня чувствует, как Вселенная дала сбой. Маленький такой, несущественный, что-то среди зон отточенных взаимодействий пошло не так, какие-то квантовые

силы дали осечку. Но из-за этой ошибки гравитация буквально на мгновение отпускает Саню. Он с криком покидает планету, которая пошла по своей эллиптической орбите дальше, а его забыла захватить с собой... И вот он летит в темной космической бесконечности... Холодная вечность вбирает его в себя, и впереди нет ничего, пустая голодная бездна, и он в нее падает, и не за что схватиться. И ничто не остановит его падения. Ничто...

Саня почувствовал удар. Было больно, но не так, как он себе представлял. А спустя какое-то время обнаружил, что лежит на полу купе. Саня упал. К счастью, сползшее с него одеяло смягчило удар. Была глубокая ночь. Пашка тихо сопел, а Сане стало ясно, что сегодня уснуть уже не получится. Он все еще видел эту бескрайнюю черноту, в которую летел, и боялся, что если закроет глаза, то вернется в нее.

Сходил в туалет, умылся. Вернулся в купе и уже забыл о приснившемся кошмаре, но спать все равно не хотелось. Поэтому он открыл ноутбук. Можно было начать делать заметки для будущей статьи. Например, читателю в любом случае надо будет дать контекст: что это за место такое, где все произошло. И хотя формально колония шестьсот тринадцать располагалась в километре от поселка, на самом деле она была частью жизни Тихого. Или того... того, что можно было бы назвать его жизнью.

Саня привычно забарабанил пальцами по клавиатуре:

Тихое. Поселок с населением в три тысячи человек. Некогда тут жило почти в пять раз больше. Здесь занимались лесозаготовкой, а в большом карьере добывали кварцевый песок. Помимо местного населения, к труду привлекали бесплатную рабочую силу из местной колонии. Но карьер закрыли еще в восьмидесятых, а в девяностые практически перестали валить и пилить лес. Из крупных «предприятий» осталась только колония...

Саша остановился. Что-то не так. Нет, все, что он написал, было правдой... Но не было истиной. Это никак не отражало Тихое, не давало понять, какое оно. И Саня начал заново. Не так, как это требуют от серьезной журналистики, и, скорее всего, не так, как это понравится Михалычу. Ну и хрен с ним. Саня писал, не считая знаки и наплевав на стилистику. Слова не подбирал, а просто брал первые, что приходили в голову. Просто писал.

Глава вторая

Тихое...

Встречаются такие места на карте, чье существование – скорее зыбкая идея, чем твердый факт. Есть ли они взаправду? Маленькие городки, деревеньки и поселки, чьи названия забываются сразу же, как их покинешь.

Едем дальше. Мы даже не думаем об этом, просто не сбавляем газ. Потому что взгляду тут не за что зацепиться: ни покосившиеся домики, ни аляповатые рекламные вывески, ни редкие прохожие, чьих лиц не успеваешь рассмотреть, – ничто не вызывает наш интерес. Поэтому мы едем дальше.

Этих мест будто не существует. И Тихое – одно из них. Но кое-что его от прочих все-таки отличает. Построенное на болотах, шипящих змеями и жужжащих комарами, оно и само стало превращаться в зыбучую вязь. Семя человеческой жизни упало здесь, пустило корни, но не расцвело. Ему не хватило света. Жизнь родилась тут лишь для того, чтобы сразу начать гнить. И своим вялым вымиранием она кормит то, что согласно питаться смертью.

Задержавшись в Тихом, мы скоро почувствуем, как твердая почва обращается в мягкие топи. Мы начнем вязнуть. В истории, полной боли. В настоящем, лишенном надежды. Мы погрузимся в темноту, и там, на черной глубине, что-то коснется нас...

Зря мы не поехали дальше.

* * *

На окне ларька висела неаккуратно оторванная картонка с надписью: «Перерыв 10 минут». Внутри, на тесной кровати, где продавцы могли спать в ночные смены, выполняя заодно функцию сторожа, Ирина стояла на четвереньках с задранной юбкой. Сзади пыхтел Виктор – сороклетний прораб с единственной оставшейся в Тихом лесопилки. Мужик он в целом был неплохой, усищи бы сбрил да сбросил килограммов хоть десять. Ну и в штоты бы нормальные одеть: брюки вон аж лоснятся, а куртка пропиталась грязью насквозь. Но это скорее к жене претензии.

Ирина посмотрела на круглые часы, висевшие на стене. Она не минуты даже отсчитывала, секунды. Вот-вот должна была приехать электричка: людей из нее выйдет немного, но кто-то захочет купить воды или сигарет, так что ларек должен быть открыт. А у Виктора, как назло, «не шло».

Подушав, он остановился.

– Слушай, Ирин... постони хоть, что ли, – сказал он.

Ирина вздохнула и посмотрела на него строго. Она была яркой – и фигура стройная, и черты лица как-то даже по-голливудски правильные. Улыбка – страшный сон стоматолога, в том смысле, что ему там ни копейки не заработать, все от природы идеально. Большие серые глаза опять же – пропадешь. Следила за собой, даже корни волос всегда подкрашивала, чтобы обесцвечивание не смотрелось колхозно.

Но в какой момент ни взглянешь, ее выражение лица казалось злым. Она будто ненавидела всех вокруг и, даже спокойно с кем-то беседуя, всегда оставляла ощущение, что собеседника она глубоко презирает. Улыбающуюся Ирину видели не чаще летающих тарелок, а сейчас у нее и подавно причин для радости не было.

Оценив взгляд, Виктор понял, что обойдется без стонов.

«Странная она, – рассуждал мужик, – хоть бы раз показала, что ей нравится, стерва такая». Мысленно матеря Ирину, Виктор продолжил. Грубее и жестче, чем до этого. Распалая себя, про себя обзывая ее стервозиной и сукой, мужчина наконец кончил.

Ирина мгновенно вскочила, натянула трусики и поправила платье. Он еще брюки застегнуть не успел, а она уже привела себя в порядок и демонстративно протянула руку.

Отсчитывая ей купюры, Виктор сказал:

– Слушай, Ириш... – Увидев ее взгляд, поправил себя: – Ирин. Я ведь и больше могу... ну, в смысле, денег давать. Если ты как-то... поласковой будешь, что ли.

– Я подумаю.

Он потянулся было поцеловать ее, хотя бы в щеку, но она отстранилась так, будто он леший какой-то, а не мужчина, с которым только что занималась сексом.

Виктор вздохнул, взял барсетку с документами и вышел. «Ну и хрен с ним, что морозится, – подумал он, уходя. – Трахать такую ладную бабу все равно дело приятное».

Ирина стояла в дверях. Не Виктора провожала, само собой, а смотрела на овраг за ларьком. Там, среди кустов, рядом с большой кучей валежника, она наконец заметила розовое пятно.

– Мариш! – ласково позвала Ирина.

«Пятно» покинуло кусты и оказалось десятилетней девочкой в розовом свитере. Она помчалась вверх по склону, привычно цепляясь за выступающие корни и наклоненные стволы хилых деревьев.

– Прости, что долго. – Пустив дочку в ларек, Ирина закрыла дверь на щеколду. Тут же кинулась к окну, чтобы открыть его, убрала картонку.

К перрону как раз подъезжал поезд.

– Что дядя Витя рассказывал? – спросила Марина.

– А? – не поняла ее мама.

Марина нахмурилась:

– Ну, ты, когда погулять просила пойти, сказала, что вам с дядей Витей о чем-то поговорить надо.

– А, да ничего! Так, взрослые разговоры... скучные.

Ирина притворно зевнула, и дочка рассмеялась.

– Тебе что сегодня задали?

Марина достала из-под кровати портфель с мультяшками. Рядом была тумбочка, которую ребенок использовал вместо стола.

– Да, там, по математике немного... и окружающему миру...

– Садись быстрее, делай. Тебе через час уже на хореографию бежать.

Маринка уткнулась в учебник, внимательно изучая заданное.

Ирина посмотрела на деньги в руке. Пересчитала. Сунула большую часть в сумку, а одну купюру отправила в кассу. За это взяла с одной из полок шоколадку, достала из холодильника банку газировки и протянула Маринке. Та расцвела в улыбке и радостно затараторила маме слова благодарности. Но Ирина все это прослушала. Пристально смотрела сквозь маленькое окно ларька и не могла поверить своим глазам. Там по перрону шли двое – крупный, с кучей сумок, и другой... Худощавый брюнет с острыми скулами. Хмурый... а раньше почти всегда улыбался.

– Мам, ты чего? Мам?!

– А? – Ирина посмотрела на дочь.

– Ты бледная вся!

Дочка выглянула в окошко, но, само собой, шока мамы понять не смогла. Ирина тоже не стала ничего объяснять. Нельзя пугать ребенка, сообщая, что только что увидела призрака.

* * *

Вокзал Тихого встретил их запахом креозота, оглушающей для жителей столицы тишиной и хмурым небом. В последнем, к слову, поселок был не виноват. Май по всей стране выдался на редкость отвратительным: холодным и дождливым.

Саня все-таки уснул ближе к утру и потом еще пару часов поспал в электричке. Но сил это не прибавило. Наоборот, голова трещала, как будто это он, а не Паша вчера в одного коньяк прикончил.

Сам фотограф шел со своими сумками чуть не вприпрыжку, нахваливал окружающую фактуру. Его радовали облупившаяся штукатурка здания вокзала и мрачные клены, что криво росли около него. Упавшая лепная «Е» в названии, из-за чего поселок будто бы именовался «Тихо», привела Павла в полнейший восторг. Он уже порывался достать аппаратуру и начать щелкать прямо сейчас, но Саня торопил его. Улыбку с лица Павла стер старик, который неожиданно нырнул прямо под электричку.

– Ты чего творишь, дед?

Не обращая внимания на окрик, старик, неловко сгибаясь, чтобы не удариться головой о вагон, перебрался через рельсы и оказался на другой стороне.

– А если бы электричка тронулась? Совсем поехал, старый?

– Пошел ты, сопляк! – сообщили Павлу с той стороны.

Павел посмотрел на Саню огромными глазами ребенка, который только что узнал, как именно мама с папой его сделали.

– Лазить под составами, – пояснил Саша, – это, считай, местная традиция.

Сами они дошли до лесенок, ведущих на стальной мост, возвышающийся над железнодорожными путями. И они были единственными, кто решил им воспользоваться. Остальные, если требовалось попасть на другую сторону, либо ждали отбытия электрички, либо, как тот старик, лезли прямо под ней.

– Соседка у нас была – Галина Петровна, – вспомнил Саня. – Добрейшая старушка. У многих тут под окнами вишня растет, и мы, мелкие, эти деревья обдирали, пока хозяева не видели. Во-первых, потому что своей вишни всегда мало. Во-вторых, чужая, она, как назло, слаще. Так вот, Галина Петровна – единственная, кто не бегал за нами с палкой. А все вот поэтому...

Они встали на мосту. Под ними четверка железнодорожных путей уходила чуть дальше от вокзала, а там делилась и образовывала что-то вроде огромного кармана, где путей становилось уже не четыре, а с десяток.

– Часть тех карманных путей, – пояснил Саня, – в лес уходит, к бывшим лесопилкам и карьере. Но уже когда мы тут жили, те были заброшены. С тех пор карман стали использовать для перцепки или отгоняли сюда пока ненужные вагоны. Самое интересное, что делалось это часто по ночам. Галина Петровна, ей тогда, по рассказам, и сорока не было, шла как-то через этот карман. Ночью. Пьяная. В тот раз электровоз не тащил за собой состав из вагонов, а был сзади и как бы толкал. Поэтому впереди не оказалось машиниста, чтобы ее заметить. Это вроде как запрещено, но... мало ли, что у нас запрещено, а делается. И состав ехал относительно медленно... В таком случае он почти не издает звуков, так, легкий гул, да иногда рельсы трещат, но к этому звуку тут быстро привыкаешь. В общем, трезвая, может, и заметила бы, а по пьяни...

– Твою ж... – взвыл было Пашка.

– По ее словам, она даже не почувствовала ничего. Удар в голову – это ее вагоном шибануло, а дальше очнулась в Черметской больнице и уже без ноги. Ну, как я и сказал, зато не бегала за нами, когда мы вишню у нее воровали. И случаев таких в Тихом каждый год до фига.

По крайней мере, пока мы здесь жили, чуть не каждые три месяца кто-то по своей глупости на путях либо умирал, либо становился инвалидом.

Саня всегда считал, что плохо помнит свое прошлое в Тихом. И Галину Петровну, Саня был уверен, он уже давно позабыл, но вот надо же... Стоило тут оказаться, вдохнуть местный болотистый воздух, и кое-что начало всплывать.

Электричка, на которой они приехали, тронулась. Журналист и фотограф молча смотрели на Тихое. Железнодорожные пути делили поселок надвое. Причем более-менее приличные здания – вроде того же вокзала, монструозного Дворца культуры в стиле советского ампира, трехэтажного кирпичного здания администрации – концентрировались около моста, с той или другой его стороны. А вот дальше – сплошные деревянные домики и бараки.

– Оно больше, чем я думал, – сообщил Паша.

Тихое и правда занимало широкое пространство, отдельными улицами уходя в леса на горизонте и делая в них просеки.

– Большинство домов заброшено, – ответил Саня. – Стоят, гниют, никому не нужны.

Они спустились с моста с противоположной от вокзала стороны. Оказались на площади, которая раньше, видимо, была выложена брусчаткой, а сейчас скорее тонула в ее обломках. Слева красовалась администрация, справа – тот самый Дворец культуры. Он же, похоже, использовался как кинотеатр: на нем висели афиши вполне современных фильмов, только рисованные. Судя по некоторым изображениям, о сюжете художник имел весьма приблизительное представление.

В центре площади стояла бронзовая статуя Ленина. Отчего-то вспомнилось, что Галина Петровна была яркой коммунисткой. Из тех, которые помнят только хорошее, а про плохое ничего не слышали, потому что «Правда» об этом не писала.

Саня повел фотографа дальше. По другую сторону Дворца культуры стояло строго квадратное двухэтажное здание, на котором, к удивлению Паши, была надпись «Гостиница».

– Да ладно? – удивился фотограф. – Я думал, мы какой-то местный дом арендуем.

– Говорю тебе, когда-то в Тихом кипела жизнь. Лет за двадцать до моего рождения.

Гостиница выглядела заброшенной: окна пялились темнотой помещений, а вокруг здания все заросло осокой и крапивой. Неудивительно, что и дверь оказалась закрыта, но в окне, с обратной стороны, была прикреплена бумажка с номером телефона.

Женщина, представившаяся Анной, звонку удивилась, но обещала подойти буквально через пару минут.

Присели прямо на лестнице, чтобы ее подождать. Паша сказал:

– Ты какой-то другой стал, Сань.

Журналист удивленно посмотрел на него.

– Не знаю, – пояснил Пашка. – Ты и так хмурый обычно, но тут ты какой-то особенно унылый. И юморок поменялся. Ты когда про соседку рассказывал, с шуточкой этой, что она за вами не бегала... Не знаю, черный юмор – оно, конечно, забавно иногда, но тут что-то совсем бесчеловечно.

Саня задумался. И правда, как-то некрасиво он про Галину Петровну.

– Тут к такому по-другому относишься. – Он пытался подобрать слова, чтобы объяснить Паше. – Вон видишь пустырь у того перекрестка?

Паша кивнул.

– Это сейчас там травой все заросло, – пояснил Саня. – Когда я мелкий был, там сгоревший дом... ну, не то чтобы прям стоял... Имелся, в общем. А сгорел он, мне лет пять тогда было, прямо в новогоднюю ночь.

– Никто не пострадал?

– Сначала думали, что нет. Это барак был на четыре семьи. Тут таких полно, еще увидишь, система такая: дом делится на четыре части. Каждая со своим крыльцом, соответ-

ственно, и входом. Внутри маленькая прихожая, кухня и гостиная, она же спальня. Так вот, три семьи из барака выбежали. За четвертую даже не переживали – знали, что они в гости ушли к друзьям на ту сторону Тихого. Короче... Крики слышали, когда уже поздно было. Дверь взломать не успели, из окон уже пламя валило. Оказалось, родителям стало интереснее как следует накидаться на праздник, чем возиться с детьми. Ну, они их, детей то есть, и оставили дома. Уходя, дверь для безопасности заперли. Две девочки, одной пять лет было, другой шесть...

– Охренеть!

– Вот ты в Москве про такое что-нибудь слышал? Да наверняка! Но слышишь редко, и каждый раз в холодный пот. А тут таких историй... Это прям какая-то концентрация, я не знаю... Вроде чистого экстракта человеческой глупости и жестокости. Сколько тут бытовых убийств было, пока я рос, – ты не поверишь просто. Да и сейчас наверняка ситуация не лучше. Тихое, оно... будто заранее смирилось со своей смертью. Как человек с четвертой стадией рака, который и так уже мчится по трассе, но вдавливая педаль в пол, потому что поздно бояться. И глядя на это, проживая жизнь среди этого, ты либо отдаешься общему угару, либо сходишь с ума.

В этот момент они увидели женщину лет сорока, которая торопилась к ним со стороны площади. Крупная – такая не только коня на скаку остановит, но и заставит его в горящую избу войти. На Пашу с Саней она смотрела с подозрением, которое и не пыталась скрыть.

– Анна, – представилась она. А узнав имена собеседников, без обиняков спросила: – А вы чего сюда приехали?

Пашка полез было за журналистской корочкой, но Саня его опередил:

– Фотографировать поселок будем.

Анна критически посмотрела на дорогу, никогда не знавшую асфальта, на канаву вдоль нее, забитую мусором, на кривые дома вокруг и спросила еще более удивленно:

– А зачем?

– Для режиссеров кино и сериалов, – ответил Саня. – Им всегда нужны новые локации для съемок. Вот мы ездим по стране, ищем интересные места, предлагаем киноделам.

Глаза у Анны округлились еще больше.

– Это чего это? У нас кино, что ли, снимать будут?

– Не факт еще. Но если режиссеру какому-то подойдет картинка, почему нет.

Анна еще раз взглянула на поселок. Судя по скепсису на лице, она не могла представить себе такого режиссера, которому эта картинка могла бы подойти.

– Ну ладно, чего! – наконец сказала их собеседница. – Пойдемте, комнаты покажу.

Комнаты были маленькими: казенные кровати с железной решеткой и тонкими матрасами, тумбочки без дверок, по одному стулу – вот и вся мебель. Но номера оказались на удивление опрятными. По рассказам Анны, гостиница была не частной, а стояла на балансе администрации. Несмотря на то что гости в поселке были редкостью, начальство Тихого отказывалось закрывать гостиницу. Каждый месяц Анна получала деньги, присматривая за ней. Небольшие, скорее всего, но по меркам поселка любая сумма живыми деньгами казалась огромной. Когда Саня жил здесь, колония отдавала треть зарплаты сгущенным молоком, а местный хлебозавод вообще половину положенного рабочим выдавал только продукцией. Еще один всплывший факт, который, как уверен был журналист, он забыл навсегда.

– А это что? – спросил Пашка, показывая на одну из дверей.

Там был рисунок. Сначала казалось, что это квадрат, но затем Саня проследил за линией: она не замыкалась, а уходила внутрь, образуя угловатую спираль. Ее явно пытались закрасить, но то ли краска была разбавленной, то ли сам знак был нарисован каким-то особенно ярким цветом, так что он все равно проступал и был заметен.

Анна недовольно поджала губы:

– Вандалы это! Не обращайтесь внимания!

Паша прищурился:

– А я вроде такой знак уже у вас в Тихом видел... Где-то на какой-то стене был нарисован, что ли... – Он посмотрел на напарника, надеясь, что тот вспомнит, но увидел его бледное лицо и осекся.

Анна пожала плечами:

– Эта комната не сдается. Остальные девять номеров в любой момент готовы принять гостей. – И не без гордости добавила: – Туалет в здании!

По всему выходило, что для Тихого это был едва ли не королевский уровень жизни. Цену за него требовали соответствующую. Пашка даже прыснул от смеха, когда Анна назвала ее, и только потом сообразил, что собеседница не шутит.

– А есть кто-нибудь с машиной, кто сможет нас повозить по округе? – спросил Саня, протягивая деньги и паспорта.

– Муж мой, – ответила Анна, после того как дотошно пересчитала купюры и сфотографировала у каждого паспорта необходимые страницы. – Когда вам надо?

Надо было завтра с утра. Анна пообещала, что муж подъедет к восьми.

– Если что, я сама работаю с девяти до шести. Тут на площади, в здании администрации. Да и живем мы недалеко. Ну или звоните, номер есть, – сообщила Анна перед выходом. – Гостиница в вашем распоряжении. Но заходить можете только в свои номера, конечно, остальные заперты.

Едва она ушла, Пашка весело хлопнул в ладоши:

– Ну давай, Санек, выкладывай! Какой сюжет? Что по актерскому составу? Продолжение «Властелина колец» снимем, что ли? У нас же тут целый Мордор!

Саня вопросительно поднял бровь.

– Ну, – пояснил Павел, – мы же киношники теперь, оказывается.

– А, это... Поселок маленький, до Богданова за вечер могли дойти слухи, что сюда два журналиста приперлись. Вряд ли наши коллеги тут часто появляются, мог и сообразить, что к чему.

Пашка задумчиво выпятил губу и одобрительно кивнул:

– Значит, завтра с утра к нему?

– Да. И валим отсюда быстрее.

Саня бодрился для вида, но из головы никак не шла угловатая спираль на двери десятой комнаты.

* * *

К вечеру серые тучи так и не расступились. Больше того, на горизонте замаячили настоящие черные исполины, которые периодически подсвечивались ударами молний. Ветер притих: ночью ожидалась гроза.

Ирина мысленно ругала сменщицу, которая задержалась на целых тридцать минут. Из-за этого она опоздала, когда прибежала в школу забрать дочку с танцев. Девочка сидела в темном коридоре у выхода: все занятия давно закончились, а старика сторожа она боялась и наотрез отказалась посидеть в его каморке до прихода мамы.

Построенная во времена, когда Тихое росло (и казалось, что расти не перестанет), школа была огромным зданием из белых блоков, по площади даже больше Дворца культуры. Тут имелся не только спортзал, но и бассейн, который в нынешние времена превратился в заброшенную свалку. На самом деле сегодня школа использовала только два этажа из четырех и далеко не все кабинеты. Как и прочее в Тихом, она стала грустным напоминанием о надеждах, которым не суждено было воплотиться в жизнь.

Больше того, в такие вот сумрачные вечера школа давила темнотой уходящих вдаль коридоров. Наблюдала за вами черными окнами кабинетов – в некоторых из них людей не было уже почти полвека. В залах, где дети должны были отдыхать на переменах, эхо звучало отчаянно громко, буквально кричало о пустоте, которая тут случилась. В это предночное время можно было почувствовать злобу, которую испытывает здание – рожденное в муках, но отвергнутое. Не наполненное людьми, их смехом и жизнью, оно, казалось, вобрало в себя нечто иное...

– Мамочка! – Марина кинулась на шею Ирине.

Та поблагодарила сторожа и, схватив руку дочери, побежала прочь.

Она оглянулась, когда услышала, как старик запирает двери школы изнутри, и в очередной раз удивилась: как ему не страшно оставаться там на ночь?

– Мы торопимся? – спросила Марина, которая еле поспевала за мамой.

– Очень, – ответила Ирина.

В ее сумке стучали две бутылки вина, которые она взяла с работы. На сегодня у нее был план. Это не бой еще, так, разведка, но очень перспективная.

Путь до дома был неблизкий, но Ирине повезло – дождь еще не успел начаться. Тяжелые тучи ходили вокруг, отгрызая все больше пространства у горизонта, но так и не заняли небо над Тихим.

Едва войдя в дом, Ирина кинулась на кухню к умывальнику и помыла голову прямо так, холодной водой. Греть ее времени не было. Высушила голову феном, разделась и достала косметику. Серьезный макияж она, конечно, тоже сделать не успеет, но благодаря природной красоте может обойтись и легким.

– Ты куда-то уходишь. – Марина не спрашивала, а констатировала факт.

Пока мать занималась волосами, дочка успела разжечь огонь в печи, сделала себе бутерброды с колбасой и сыром и сейчас, сидя на кровати, жадно лопала их. По телевизору Брюс Уиллис расправлялся с какими-то гадами.

– К старому другу.

– Поздно будешь?

– Не знаю пока. Если что, ложись спать без меня. Дверь только изнутри на ключ закрой, а не на защелку, а то придется тебя будить.

Дочка кивнула. Ей явно не хотелось оставаться одной, особенно в ночь, обещавшую грозу, но по опыту она знала, что уговаривать маму бесполезно.

– Вы что, с ним будете всю ночь болтать? На скучные взрослые темы? – спросила Марина.

Ирина улыбнулась зеркалу, перед которым сейчас наносила тушь на ресницы, и ответила уклончиво:

– Не знаю.

С Сашей она была совсем не прочь «поболтать». Но посмотрим, как пойдет. Вдруг он женат уже... Хотя, как показывает практика, жена – это не приговор. Днем, увидев Сашу, но не поверив своим глазам, она долго не находила себе места. Наконец подумала, что раз уж приехал, то как минимум останется на ночь. А ночевать вряд ли будет в старом полуразрушенном доме, в котором жил с родителями. Опять же, Саша хорошо одет, явно не бедствует в своей Москве. Рассуждения привели Ирину к очевидной мысли: он проведет ночь в гостинице.

Она позвонила Анне, старой знакомой. Та призналась, что да, в гостиницу поселились двое – приехали фотографировать для кино, и одного зовут Александр... Когда Анна назвала фамилию, сердце Ирины пропустило несколько ударов, прежде чем продолжило бег. Это был он.

Ирина закончила макияж, надела чулки, облегающую черную юбку – не слишком короткую, но многообещающую. Сверху – вязаную белую блузку, сквозь которую, если хорошо приглядеться, можно было рассмотреть ее грудь.

Именно в этот момент она и услышала пьяный женский крик на улице:

– Дрянь! А ну выходи, тварь такая!

Ирина удивленно посмотрела на дочку. Судя по испуганному взгляду, девочка тоже это слышала.

– Светлякова! А ну выходи!

Ирина выглянула в окно.

– Выходи, мразь! – кричала пьяная тетка, почти вдвое старше хозяйки дома. Стояла она на дороге, за территорией двора, и орала так, что уже и соседи начали выглядывать.

– Мам? – взволнованно прошептала Марина. – Эта тетя к тебе?

– Сиди дома, я сейчас вернусь, – сказала Ирина.

Разборки со всякого рода «тетями» были ей не впервой. Но этой гадине совсем мозги отбило, раз она заявила сюда и устроила все это перед ребенком.

– Мам, не ходи, мам! – испуганно закричала дочь.

– Сиди дома! – строго повторила Ирина, взяла кочергу и вышла.

Ветер все еще прятался, отчего в поселке молчали даже кроны деревьев – Тихое соответствовало своему названию.

– Вышла, тварь, все-таки! – начала было тетка, но Ирина ударила кочергой по забору прямо перед ней, и та испуганно осеклась.

– А ну заткнись и вали домой! Ты какого хрена себе позволяешь? У меня ребенок дома!

Пьяные глаза налились злостью.

– Гонишь, значит? А мужа моего ты так же гонишь, когда он приходит? Витю моего ты хоть раз прогнала, давалка?

Возможно, она ожидала, что Ирина испугается: как же, ведь ее раскрыли. Возможно, ожидала увидеть раскаяние. Но ничего подобного Ирина не испытывала и спокойно ответила:

– Виктор – взрослый человек. Вот с ним и разговаривай.

Жена работника лесопилки вдруг отступила на шаг и заплакала:

– Дрянь ты! Тварь поганая! Он же... все деньги на тебя, мразь...

Ирина заметила, что из дома напротив вышел сосед с женой. Мужчина порывался было пойти, чтобы разнять конфликт, но жена его остановила.

«Тоже меня ненавидит. Думает, что я и с ее мужем сплю, – подумала Ирина. – Только что с него взять-то? А может, и стоит разок, чтобы эта стерва на стену лезла».

В этот момент Ирина вспомнила, что на сегодня у нее имеется куда более важное дело, чем разборки с соседскими женами. Она холодно посмотрела на супругу Виктора и сказала:

– Иди домой, выпись, протрезвей. А завтра поговори с мужем. Я его к себе не заманиваю – сам хочет, сам приходит.

Ирина развернулась и пошла домой.

– Мапочка! – Маринка не послушалась и таки выглянула из приоткрытой двери. Едва увидела, что мама возвращается домой, с облегчением побежала к ней навстречу.

В этот-то момент Ирина и услышала, как открылась калитка в заборе. Она развернулась, еще не понимая, что произошло, и увидела перекошенное яростью лицо жены Виктора. Двумя руками та замахнулась над головой подобранным на дороге булыжником.

– Получай, шалава! – закричала женщина и бросила камень в Ирину.

В последний момент Ирине удалось увернуться, так что булыжник лишь слегка задел плечо. Позже там будет синяк, но главное, пьяная дура не попала, куда метилась, – в голову.

Злая Ирина смотрела на испуганную противницу, которая, видимо, только сейчас осознала, что пыталась сделать.

– Я не... Ирину, я не... – скулила она, но в этот момент хлестко сбоку ее ударил стальной прут кочерги.

Тетка взвыла от боли, пыталась закрыться руками, но Ирина наносила удары один за другим. Противница вскрикивала и продолжала оправдываться, что она «не хотела», что она

просит прощения. И странным образом во время этой болезненной исповеди она вовсе не смотрела на Ирину.

Не смотрел на нее и подоспевший наконец сосед. Его испуганный взгляд застыл где-то за хозяйкой дома. Он перехватил руку Ирины, когда та занесла ее для очередного удара, и вдруг закричал на нее:

– Маришка, Ирин! Маришка!

На мгновение Ирина растерялась, не понимая, к чему это он, а затем медленно повернулась. Она увернулась от броска булыжником, а вот дочка, которая в этот момент оказалась прямо за ее спиной, не успела. Девочка лежала на земле. Из широкой раны на лбу текла кровь. Виднелась черепная кость.

– Я не хотела, Ирин! Прости... я не... – ныла избитая жена Виктора, валяясь на земле. Ирина упала на колени перед девочкой.

– Доченька, – шептала она. Нежно и тихо – так она будила ее каждое утро. – Мариш! Ей больше всего на свете хотелось обнять и прижать к себе маленькое тело, но дрожащие руки боялись даже коснуться ее.

– Мариночка... Марин!

Сосед приложил пальцы к шее девочки и через несколько секунд, длившихся в тысячи раз дольше положенного, произнес:

– Жива! Надо в больницу ее, срочно!

Ирина в ужасе смотрела на рану и на лужу вытекшей крови и никак не могла сообразить: ведь столько крови потеряла ее дочка, надо... надо как-то собрать эту кровь. Врачи наверняка попросят, скажут: «А кровь? Кровь-то вы с собой привезли?» Куда бы ее, не в ладошки же...

– Ирин! – Сосед схватил ее за плечо, пытаясь вывести из транса. – Ира! Ай, ну тебя!

Он аккуратно подхватил девочку и понес к выходу со двора. Ирина вроде как увидела это, но мозг все еще был сосредоточен на том, как быть с кровью. Нельзя же ее тут оставлять, это же не просто чья-то кровь, это кровь Мариночки, она нужна ей: каждый знает, что человек без крови не может, значит, чтобы с Маришкой все было хорошо, ей надо... Надо...

Ирина пришла в себя резко, будто из воды вынырнула. Сознание вновь стало четким, она точно поняла, что произошло, насколько серьезна травма дочери и что надо делать. Мать девочки вскочила и побежала к дороге, даже не взглянув на все еще воющую жену Виктора.

– Стой! Стой, говорю! – крикнула Ирина соседу.

Тот хоть и с ребенком на руках, но успел убежать довольно далеко.

– Ей в больницу надо! – ответил он, не сбавляя шаг.

Девочка громко дышала какими-то рывками. Кровь залила ее лицо огромным родимым пятном.

Ирина нагнала мужчину и преградила дорогу.

– Тащи ее к моей матери, – спокойно сказала она.

Мужчина открыл было рот – и закрыл. Он был не из коренных жителей Тихого. Переехал сюда четыре года назад. До этого работал совсем в другом исправительном учреждении, но накосячил и получил такой вот выбор: немедленное увольнение с лишением стажа и звания или перевод в Тихое. Для человека, уже больше десяти лет проработавшего в системе исполнения наказаний и ничего, кроме этого, не умеющего, это и не выбор был вовсе, а насмешка.

Он понятия не имел, кто мать Ирины, и решил, что, возможно, она врач. Поэтому, вздохнув, произнес:

– Показывай дорогу.

Тяжелые капли дождя наконец начали падать на землю. Тихое укрыло грозой.

Бабушка Марины никаким врачом не была. Но ее внучке срочно нужна была... кровь. И таковая у матери Ирины имелась.

* * *

Обычно Вячеслав радовался своему положению заместителя начальника колонии. И хотя всего замов было двое: он и Аркадий, второй был не в счет. Этого очкарика, унылого душниту, вечно копошащегося в бумагах и счетах, даже шеф не переваривал. И уж конечно, когда у него, шефа то есть, появилось некое особое поручение, обратился он именно к Вячеславу.

Все было так таинственно, что сомнений не оставалось: крупная премия в конце года Славке обеспечена. Уж шеф найдет, за что выписать, чтоб по бумажкам все красиво казалось. Ну а нет – того же Аркадия заставит придумать. Славе, правда, попало: шеф был недоволен, что притащили одного из братьев, – никому не сдавшийся одиночка подошел бы лучше, но переигрывать уже не решились.

Но, оказавшись на месте, Вячеслав понял, что плевать ему и на премию, и на дружбу с начальником. На все ему было плевать, лишь бы не оказаться той ночью в подвале колонии. Он старательно гнал от себя воспоминания, топил их в алкоголе, убеждал себя, что ему все привиделось, но только теперь даже проходить мимо окон было страшно. А когда стекла вдруг издавали какой-нибудь звук, пускай и самый естественный, Вячеслав тут же вздрагивал. И это несмотря на три опустошенных пузырька валерьянки, что валялись в мусорном ведре, и весь выпитый этиловый спирт.

Нервы мужчины не собирались успокаиваться. Этой ночью, когда на Тихое полил дождь, Славе было особенно хреново. Капли барабанили по стеклам, ветер бил в них, и оттого он метался с кухни в гостиную и обратно, снова и снова проверяя окна...

Поскольку на улице было темно, а в доме – нет, Вячеслав в какой-то момент испугался, что может пропустить изменения в стекле, просто не заметит их из-за бликов, и, выключив свет, наворачивал очередной круг по своим скромным квадратным метрам жилплощади. Тут же вспомнил свой детский страх темноты, который вроде бы давно перестал его преследовать, а теперь под стрессом вернулся.

– Нет-нет-нет, ни хрена мне не будет! – сказал вслух Славка заплетающимся языком, пытаясь убедить себя, что бояться ему нечего. Сколько уж бессонных ночей он провел вот так, в панике, и ничего, пережил – ничто за ним не явилось. И с чего бы жуткой твари вдруг лезть сегодня?

Он отпил из горла, едва ощутив, как водка обжигает горло, и даже не стал закусывать – только громко рыгнул, довольный собой и тем, как он смог себя успокоить. И правда, чего он волнуется-то? Ну и хрен с ним! Даже если ему не привиделось все это тогда в подвале, – ну и что? Там ведь какая-никакая, а целая система понадобилась, чтобы... Короче, даже если ОНО и правда там было, то до него, Вячеслава, не сможет и не захочет добираться, верно? С Залепиным-то все ясно, он сразу орал, что тварь его, мол, пометила... И, вспомнив это, Слава замер. Посмотрел на свои толстые, пожелтевшие от сигарет пальцы – те немного плыли в пространстве от выпитого.

По спине пробежал холодок. В памяти открылась картинка, как он касается уже потерявшего сознание Васи Залепина и как чувствует на вот этих самых пальцах нечто, что сначала принял за пот. И лишь потом до него дошло, что это именно та непонятная жижа, от которой здоровяк пытался избавиться. А если так... тварь и его самого пометила? Нет-нет! Не может быть, чтобы и он... Вячеслав понюхал пальцы – ничего необычного, но он всегда плохо различал запахи, это у него с детства еще, как гайморитом переболел. К врачу батя его не вел до последнего: насморк просто у пацана, чего занятых людей зря беспокоить? И потому как ни старался Славка, а унюхать ничего не мог. Но что, если по этой жиже тварь все-таки как-нибудь найдет его?

Ударил гром. Дважды. Вячеслав поднял голову, задумавшись. Как же это так? Но точно, удара было два: сначала один, громкий такой, а потом второй, гораздо тише, но будто бы ближе... будто бы... по стеклу... чем-то... Слава вскочил и на неверных ногах направился в зал, стараясь даже не дышать. Остановился в коридоре и постарался аккуратно выглянуть. И тут же уронил бутылку. В свете очередной молнии он увидел в окне то, чего боялся увидеть больше всего.

– Нет! Ну нет, блин! – Он орал еще что-то, и все это было смесью и ужаса, и отрицания, и торга. Он понимал, чем закончится это вот увиденное им зрелище, к чему оно в конечном итоге приведет. И затуманенный алкоголем мозг Вячеслава подсказал ему, что надо делать.

Слава всегда был мужиком. Настоящим. Батя убил бы его, если бы он таким не вырос. А самому батю, к примеру, как-то в драке ухо порезали, так что мочка висела на тоненьком кусочке кожи. И что, он ныл? Нет, он достал перочинный нож и отрезал себе мочку полностью, чтоб не болталась. Слава обожал эту историю, просил отца рассказывать ее снова и снова, а тому и самому нравилось ее повторять, особенно выпивши.

И вот сейчас батя бы гордился Славой. Мужчина поднял бутылку. Метнулся на кухню, достал нож для разделки мяса, хлебнул еще разок из горла. А потом одним махом рубанул по пальцам.

Первое, что он понял: стоило прицелиться. Вместо двух пальцев, которые касались жижи, он оттяпал три и серьезно порезал четвертый. Второе: он был уверен, что из-за алкоголя и храброго настроения ничего не почувствует. Но боль пришла мгновенно. Наконец, третье, чего он не предусмотрел в своей глупой попытке посоревноваться с давно уже мертвым отцом, по своей брутальной глупости запустившим пустяковую на начальных стадиях болячку: кровь хлынула настоящими фонтанами, и остановить ее было нечем.

Вячеслав взвыл так, что, будь у него соседи, непременно услышали бы крик, несмотря на дождь и гром. Но вот только жил он на отшибе поселка, зато поближе к колонии: так оно получалось и приходило домой на целых десять минут раньше, и спать перед выездом на смену.

– А-а-а! Сука! – протяжно орал Слава, а боль и не думала уходить, кровь тоже продолжала течь, хоть он ее и обматерил.

Но тут мужчина вспомнил, для чего вообще затеял эту ампутацию, схватил левой рукой отрубленные пальцы и бросился обратно в зал.

Со стеклом уже совсем была беда, и мужчина швырнул пальцы прямо в него. Обрубки ударились в поверхность, оставили кровавые следы и упали: пара на подоконник, а один – на пол, покатылся там и замер.

– Забирай, тварь! – крикнул мужчина и услышал, как его голос дрожит. Он стыдился этого, ненавидел себя, но чувствовал, что ревет. Боль начала отрезвлять его, а вместе с трезвостью приходило и осознание того, что он сделал. Он плакал и орал: – Отвали! Забирай и вали! Пожалуйста!

Но все эти крики были впустую. И тогда Слава сделал то, что батя бы уже точно не одобрил. За что вломил бы Славке по первое число. А если бы был под градусом, мог бы и покалечить – было как-то, пришлось ему с гипсом походить после воспитательной такой беседы от бати. Потому что трусость батя не выносил ни в каком, даже самом оправданном виде, а сейчас Вячеслав побежал. Выбил дверь плечом, снеся хлипкую защелку, и кинулся на улицу. У дальнего конца ее, домах в семи, уже жили люди, там можно было найти помощь.

Вот только вокруг была куча других домов... и все с окнами... А он даже смотреть на них теперь не мог: сразу задышался от ужаса. И потому Слава развернулся и бросился обратно во двор. Пробежал мимо крыльца, к забору, за которым виднелся лес. Перелезть не стал – просто выломал ржавый профнастил ногой и бросился сквозь невысокую траву подальше от всего стеклянного.

– Хрен тебе! Хрен! – орал он, убегая. Чем дальше удалялся от поселка, чем ближе был к лесу, тем больше верил в будущее спасение.

Земля под ногами неприятно хлюпала – тут и так было довольно болотисто, а из-за дождя почва совсем размякла. Стоило быть аккуратнее, но Вячеслав слишком торопился. Потому и не удержал равновесие, когда в очередной раз поскользнулся. Попав в ноздри, вода вызвала резкую боль в затылке, как бывает всякий раз, когда захлебнешься. Инстинктивно Слава поднял правую руку, чтобы в рану не попала грязная вода из глубокой лужи, в которую он угодил. Кое-как поднявшись, если не на ноги, так на колени, он огляделся. До леса было еще метров двадцать, но эти метры были полностью затоплены. Это маленькое, но все прибывающее озеро под ним начало краснеть: кровь из обрубков пальцев продолжала течь, под дождем даже с какой-то особенной тщательностью.

Слава еще успел подумать, что, несмотря на вид, нет тут, в сущности, ничего страшного: кровь ему потом перельют, переливают же ее вроде бы? Ну вот, не проблема!

Но в этот момент что-то схватило его за ногу, и вновь стало очень больно. Только в этот раз не в руке, а в том месте, где схватили: будто иглы в кожу впились. Хуже всего, его потащило в сторону и вниз, затягивало в лужу. Ничего не понимая, он осмотрелся и вдруг увидел то, что торчит из воды... то, что схватило его...

– Какого... – успел возмутиться он, а потом настал момент полной, но ужасной ясности.

Лужа... Лужа вокруг него. Ее поверхность – это же точь-в-точь то же самое, что и стекло. Отвратительная, сплошь в язвах и наростах лапа росла из воды все быстрее и каждый раз перехватывалась, теперь держа его за предплечье, и с огромной силой тянула на глубину. Слава уже не думал о том, что в рану могут попасть микробы, он отчаянно сопротивлялся, упирался в дно обеими руками, но тварь была сильнее... А еще с каждой секундой этой самой твари становилось все больше.

Как же он жалел, что согласился на предложение шефа.

* * *

К утру гроза прекратилась и должна была оставить ощущение свежести, но вместо этого ветер переменялся и потянул с болот неприятный метановый запах.

Саня проснулся в семь часов под пение Паши. Фотограф пошел в душевую, включил там какую-то попсу и с удовольствием подпевал исполнителям на всю гостиницу.

Журналист вышел из своей комнаты, дошел до душевой, постучался и спросил:

– Паш, у тебя все хорошо?

Тот выключил воду, чтобы было лучше слышно:

– Да, а что такое?

– Звуки издаешь такие... Будто ты при смерти.

Фотограф заржал и послал приятеля куда подальше. Через десять минут он освободил душевую, но предупредил, что горячей воды нет.

– Ожидаемо, – пробурчал Саня и пошел под холодную, надеясь, что она приведет его в чувство.

Голова гудела – ночью он не столько спал, сколько боролся за сон. Он не помнил, что именно ему снилось, но просыпался раз десять, не меньше. Каждый раз в холодном поту.

«Все этот знак на двери, эта ломаная спираль», – догадался Саня. Он много думал о нем и даже решил записать все, что помнил. Эта история казалась важной для понимания того, что такое Тихое. Но сейчас, выйдя из душа и одеваясь, он заставил себя сосредоточиться на предстоящей встрече. Она обещала быть нервной. Скорее всего, они наслушаются и угроз, и предложений замять дело. И вся их защита – некий Данила Красноармеец и один звонок сверху.

Саня написал шеф-редактору, что через час они с Пашей выезжают, следовательно, человеку, который должен позвонить Богданову, стоит быть наготове. Михалыч подтвердил, что все в силе, а человек ждет их прибытия в колонию.

«Как встреча с прошлым?» – спросил шеф-редактор в чате. «Погапо», – честно написал Саня. А в ответ получил смеющийся смайлик с комментарием: «Ну так иначе и не бывает, Сань!»

В холле гостиницы имелся электрический чайник, и Паша приготовил себе и напарнику растворимый кофе. Саня спокойно пил его, ожидая мужа Анны, а Пашка после каждого глотка кривился и рассуждал о том, что кофе «три в одном» – это и не кофе вовсе, а бурда, но это если ты хочешь оскорбить бурду, конечно, а вот настоящий кофе, он...

Просто удивительно, как были устроены вкусовые рецепторы этого человека, способного глушить чистоганом любой дешевой коньяк и не морщиться и одновременно с этим нить, что, например, арабика слишком водянистая, да и робуста в последнее время испортилась и оставляет во рту совсем не тот букет.

Мужа Анны, а точнее его машину, они услышали издалека. Восхищенный надрывающимся криком мотора, Паша выбежал на крыльцо, увлекая за собой Саню. К гостинице подъехали старенькие «жигули» шестой модели, настолько потрепанные, что на машину хотелось положить огромный подорожник. Иного способа вылечить эту больную скотинку просто не виделось.

Усатый Степан Петрович казался лет на десять старше Анны. И на полторы головы ниже своей жены. Но у него была бесконечно обаятельная улыбка и способность разговорить кого угодно. Одновременно представляясь и выясняя имена «господ режиссеров», как он их назвал, Степан Петрович тут же стал помогать Пашке с сумками. Он казался небольшим ураганом и ощущался более живым, чем все окружающее Тихое. Даже энергичный Пашка на его фоне как-то померк.

– Так я, значит, покумекал, чего и куда, – сказал он где-то посередине предложения, в котором выяснил, как они провели ночь в гостинице, – и определил, так сказать, точки фокуса – главные места, которые вам надо посмотреть! Да на ключ закрывай! – Это уже было Пашке, которого за пару секунд до этого жестами отправили запереть здание гостиницы. – Так что, в общем, садитесь, щас все покажу, ты подожди ее снизу, иначе не закрыть, все места тут у нас красивые, есть даже деревня шусов, да говорю же, провисла она, про шусов-то слышали?

Пашка наконец справился с дверью и залез в машину на заднее сиденье, подвинув свои же сумки с оборудованием. Фотограф смотрелся в машине китом, который пытается спрятаться за занавеской, ему явно было неудобно, но лицо выражало сплошной восторг. Он завалил Петровича вопросами о машине, признался, что в детстве у отца была точно такая же, но уже давно не на ходу. Их эмоциональный диалог, где один вечно перебивал другого, выглядел как термоядерный взрыв: с одной стороны, оторваться не можешь, с другой, слишком ярко, аж страшно.

Где-то в середине разговоров о машине успели сойтись по оплате «турпоездки». Петрович назвал неприлично большую сумму, но после этого за десять секунд успел назвать с тысячу причин, почему дешевле у него ну никак не получится, а если других попросить, то у-у-у, обберут, жулики, как зима листву с деревьев, и не поморщатся, и тут все такие, кроме него. Саня сдался и протянул ему купюры.

– Вы отвезите нас к колонии, – сказал журналист.

– Обязательно, но она не в первой тройке, сначала на деревню шусов посмотрим, а про шусов-то я не рассказал, значит, короче...

– Нет, сначала в колонию, – прервал его Саня. – Нас туда даже внутрь обещали пустить.

– А что ж вы там за кино собираетесь снимать? – И еще прежде, чем ему успели ответить, хлопнул себя по лбу: – А, так эти вот сериалы по НТВ, их в натуральных, что ли, колониях снимают? А я думаю, как такие декорации реалистичные делают, ну киношники, ну молодцы,

и правда, а зачем строить подделку, это ж куча денег, а тут все есть, только вас вряд ли пустят. Нет, ну если настаиваете, то поехали, конечно. Мне просто не хочется – а отчего?

Тут он замолчал. Среди сотен его вопросов, оказывается, встречались и нериторические.

– Отчего? – нашелся Паша.

– Так я же работаю там, ну не прям в самой колонии, а в гараже при ней, механиком и шофером, вот мне и неохота: вчера там смену отпахал, сегодня вроде как выходной, а вы меня опять туда тащите, может, к шусам лучше?

– А что за шусы? – спросил Пашка.

И Саня представил, как Петрович сейчас затараторит про шусов, а потому решил рассказать сам:

– Народ местный. Жили тут еще до прихода Российской империи. Странные ребята – люди в основном к рекам жмутся, там и пропитание, и торговля, а эти всё больше в глухих болотах селились. Их поэтому всегда немного было, но зато, когда империя сюда пришла, особо с шусами не конфликтовала: живут себе в дебрях, ну и пусть живут, больно эти болота нужны кому. Очередной Пармы со сражениями против захватчиков, а потом наказаниями за непослушание не случилось, короче. Уже при Союзе, когда тут начали что-то строить, выяснилось, что от шусов-то почти ничего не осталось.

– Вот деревня, которую хочу показать, – вставил свои пять копеек Степан Петрович. – В пятидесятых, когда Тихое закладывали, там еще человек десять жило, а сегодня уж и вовсе никого.

– Этнографы со всего Союза в Тихое понаехали, – продолжил Саня. – Оно и правда было интересно, народ, считай, почти не изменил образ жизни за последние четыре столетия, держался особняком.

– Так чего, может, к ним все-таки? – с надеждой спросил водитель.

Саня отрицательно помотал головой. Степан вздохнул и завел машину. Внутри она звучала ничуть не тише, чем снаружи. Саня даже схватился за ручку над дверью – казалось, что дно машины в любой момент может выпасть, и вот только то, что он держится, спасет его от превращения в кровавую массу на неровной дороге.

– Слушай, а лицо у тебя знакомое, снимался, что ли, где-то? – спросил водитель у Сани.

Саня посмотрел в зеркало заднего вида, поймал взгляд Паши. Тот лишь пожал плечами, мол, хочешь – рассказывай, не хочешь – соври, дело твое. Журналист не знал, как лучше поступить: все равно правда вскроется, а врать Петровичу не хотелось – мужик он вроде хороший. И так уже его обманули насчет цели посещения колонии. С другой стороны, ну вскроется и вскроется – их завтра уже тут не будет. А что в Тихом будут про него, Саню, думать, когда он отсюда уедет, ему было без разницы. Но в итоге совесть победила.

– Я жил здесь. Кузнецов я, Сашка.

Петрович так вдарил по тормозам, что машина дала юз и чуть не ушла в овраг.

– Да ладно? – весь светясь от счастья, спросил мужик. – Кузнецов? Мамка у тебя еще красивая какая была... Даша звали?

– Ага.

– Жива-здоровая?

– Да, в Москве живет.

– Кузнецовы! Помню, как не помнить! Она у тебя в школе работала, так ведь Анка моя как раз учебу закончила, как твоя мама туда устроилась! А папка твой, он... – Петрович замолчал, вспомнив, что случилось с отцом Сани. – Ну, в общем, помню вас, как не помнить. Ты с пацанами у Галки, сестры моей, вишню обдирал! Безногая такая...

– Галина Петровна? – удивился Саня не только совпадению – вчера про нее вспоминал, – но и тому, что она была сестрой Степана. – Ваша сестра? Так ей лет же...

– В этом году семьдесят три должно было стукнуть, да только... царствие ей небесное, – ответил водитель. – Ну да, у нас приличная с ней разница была, так уж вышло. Она преставилась шесть лет уж как. Ну ничего себе! Кузнецов! Ну молодец, что вернулся, не забыл про малую родину. Поднялся в Москве и сейчас родному поселку решил помочь?

Саня кивнул: ложь про кино становилась все отвратительнее.

Поехали дальше. Всю дорогу Степан Петрович не умолкал, вспоминая Кузнецовых. Большую часть из того, что он рассказывал, и тех людей, которых упоминал, Саня не помнил, хоть убей. Но ближе к колонии, похоже, и у водителя закончились истории. Проехав сквозь лес, скоро оказались на неожиданно лысой, совсем без деревьев, территории. В центре ее красовалось темное приземистое здание колонии номер шестьсот тринадцать. Оно было гораздо меньше, чем помнил Саня. Но над стенами все-таки зубоскалила колючая проволока, тут и там виднелись вышки, с которых охрана наблюдала за периметром.

– Ни фиги себе полянка, – прокомментировал Пашка, который тоже заметил отсутствие деревьев вокруг исправительного учреждения.

Саня объяснил:

– Лес специально вокруг вырубил. Чтобы вокруг колонии был обзор для охраны, на случай побега.

Услышав про побег, Степан Петрович бросил на собеседников быстрый взгляд:

– Слушайте... – Даже тон у него изменился. Он перестал тараторить, а подбирал каждое слово с осторожностью и медлительностью человека, впервые севшего за руль и пытающегося выяснить, куда бы тут нажать, чтобы и поехать, и при этом не до ближайшего дерева. – Наверное, все-таки погнажи отсюда. Не пустят вас сейчас, у нас там... Проблемы, в общем, в колонии. Начальнику сейчас не до вас будет.

– Ты нас подвези, – сказал Пашка, – а там посмотрим.

Степан Петрович только вздохнул и махнул рукой – дело, мол, ваше, но я предупреждал.

Саня позвонил шеф-редактору:

– Мы рядом.

– Ну давайте, ни пуха, как говорится, ни хрена, – ответил начальник и заржал над своей шуткой.

Подъехали к воротам колонии, тут же рядом находилась дверь проходной. Саня с Пашей поблагодарили Петровича, который все еще не верил, что их пустят, и предлагал фотографу даже не брать его здоровенные сумки, чтобы не таскать туда-сюда лишний раз. Но они зашли. Их встретило типичное захолустное казенное заведение с блевотными зелеными стенами, по большей части осыпавшимися.

– Кто такие? – спросил охранник на КПП. Судя по погонам – сержант.

Ему молча протянули журналистские удостоверения. Тот внимательно посмотрел на них, пожал плечами и вернул:

– А чего надо-то?

Паша наклонился к окошку, чуть не просунув голову:

– А ты позвони начальнику колонии, и он тебе скажет, чего нам надо.

Тот удивился неожиданной наглости. Но взял трубку телефона и набрал внутренний номер:

– Игорь Валерьевич, тут двое журналистов... – Он замолчал, потому что его перебили. – Да, уже приехали. Да вот прямо тут уже, передо мной.

В разговоре наступила пауза. Было понятно, что Богданов сейчас решает: послушаться начальства, что может иметь непредсказуемые последствия, или попытать счастья с журналистами? Вряд ли он уже сообразил, что к чему, вряд ли верит, что его через журналюг решили подставить. Скорее думает, что его хотят припугнуть, напомнить, так сказать, его место.

Между тем охранник на КПП не знал, как ему быть, и поэтому спросил:

– Что делать-то, Игорь Валерьевич?

Послышался короткий ответ. Охранник по привычке кивнул – словно собеседник видел его. Сообщил, что все понял, положил трубку и нажал кнопку вызова на пульте. Через минуту в помещение зашел хромающий, изможденного вида сержант, которому коллега с КПП сообщил:

– Ген, проводи журналистов к Богданову.

Гена посмотрел на ребят и, увидев Сашку, замер. Журналисту лицо сержанта тоже показалось знакомым.

– Ген, ты слышал, нет? – послышалось с проходной.

– А, да, идем.

Охранник на КПП вскочил:

– А! Мне сумки ваши надо досмотреть!

Пашка посмотрел на свои баулы и спокойно ответил:

– Не надо. Позвони Игорю Валерьевичу еще раз, уточни.

Охранник подумал над этой идеей, а потом махнул рукой, разрешая идти.

Шли они узкими коридорами административного здания, предназначенного для охраны. Само собой, ни одного заключенного они по пути не встретили. Поднялись на верхний, третий, этаж, где убогая отделка неожиданно превратилась в красивые, убранные деревянными панелями стены, качественный пол из крепкого ламината и подвесной потолок с точечными светильниками. Вокруг красовались растения в горшках, на стенах висели какие-то картины.

«Этаж начальства, ясно», – сделал вывод Саня.

Пашка достал из сумки фотоаппарат и на ходу сделал пару снимков.

– Эй, у нас запрещено... – начал было Генка.

Но Паша осадил его:

– Нам можно!

Подшли к большой дубовой двери, покрытой лаком. Табличка на ней сообщала, что кабинет принадлежит начальнику колонии Богданову Игорю Валерьевичу. В кабинете послышались шаги, дверь открылась изнутри. Саня представлял себе Богданова совершенно иначе. Но он оказался худым и серым, с какими-то карикатурно большими очками, словно из советских комедий про профессоров и умников. Еще и кипу бумаг в руках держал так, будто ничего ценнее их нет на свете.

Гена отдал честь, на что ему махнули рукой и тихо, голосом человека, который не привык командовать, сообщили:

– Ну вольно, Ген, чего начинаешь-то... Ты, вообще, чего тут?

– Да вот, Аркадий Семеныч, привел к шефу...

Оказавшийся никаким не начальником колонии полковник снова махнул рукой: мол, да ладно, он это так, к слову, спросил, а вообще не его это дело. Прижал бумаги сильнее и удалился прочь.

Саня вновь поймал взгляд провожающего, который наконец решился спросить:

– Слушай, дружище, а тебя, случайно, не Саша зовут?

И тут Саня вспомнил.

– Гена? – удивленно спросил журналист. – Генка Моряков?

– Кузнецов, это чего, реально ты? – улыбаясь, спросил охранник.

Гена и Саня смущенно протянули друг другу руки, а потом им одновременно пришла мысль: как-то это маловато для друзей, которые так давно не виделись, – и обнялись, похлопали друг друга по плечам, убеждаясь: да, собеседник реален, вот он.

Память Сани выдавала какие-то светлые ностальгические картинки. Вот они с Геной классе в шестом строят плот на местном болотистом пруду и отплывают на нем метров на восемь, прежде чем переворачиваются. Оба выбирают на берег и грустно бредут домой,

обсуждая, как попадет за мокрую одежду. По пути проходят через территорию хлебозавода, а там стоят цистерны с горячей водой, от которых идет сильный жар. Они снимают футболки, штаны и даже трусы и кидают на цистерну сушиться, радуясь своей изобретательности. В этот момент кто-то из работников хлебозавода замечает их и обещает вломить по первое число: играть рядом с цистернами нельзя – сколько уже детей с ожогами увезли в больницу! Они в панике убегают, а потом вспоминают, что одежда так и осталась сушиться... В итоге оба получают дома в два раза сильнее, чем предполагали.

Калейдоскопом в голове Сани проносятся воспоминания: как ржали на уроках, как после них играли на площадке возле школы, как мечтали уехать отсюда...

– Значит, ты теперь журналист? А к Богданову-то чего? – удивленно спросил Гена.

Саня вспомнил о задании и стал серьезнее:

– Слушай, давай после пообщаемся. Телефон мой запиши.

Генка кивнул, записал номер на дешевый, с трещинами на экране, телефон. Сделал прозвон:

– Ну давай, заходи. – Он встал у двери. На вопросительный взгляд старого приятеля ответил: – Я по правилам вас тут должен ждать.

Журналист и фотограф вошли в кабинет начальника колонии номер шестьсот тринадцать.

Богданов Игорь Валерьевич оказался человеком не просто грузным, а циклопическим, особенно в районе живота. Удивляло, как он влез в свое кожаное кресло. Не обращая внимания на вошедших, он продолжал водить по столу мышкой компьютера, которая в огромной его ручище казалась крохотной, чуть не игрушечной. При этом он смотрел в монитор, читая что-то, едва шевеля губами. Судя по лицу, которое он периодически корчил в гримасе отвращения, прочитанное ему не нравилось.

За спиной Богданова висели два портрета: президента и губернатора. Там же красовался огромный деревянный герб Российской Федерации. На другой стене висело древнее декоративное оружие: мечи, шашки, мушкеты и лук шусов. Последний, возможно, декоративным не был. Саня его сразу узнал: шусы свои луки богато украшали птичьими перьями. Еще одно, казалось, давно забытое воспоминание из детства, из местного краеведческого музея, который располагался то ли на втором, то ли на третьем этаже Дворца культуры.

– Игорь Валерьевич, – начал было Саня, но тот перебил его:

– Присаживайтесь пока.

Саня с Пашкой переглянулись. Последний пожал плечами, поставил сумки, открыл и начал доставать треноги и световое оборудование, штативы и камеру. Саня сел на деревянный стул напротив Богданова и стал ждать. Про себя он решил, что, какие бы дела у начальника колонии ни были, им дадут от силы минуты две, после чего напишет сообщение Михалычу. И тогда Богданову позвонят снова, на этот раз, как надеялся Саня, поговорят с ним грубее.

Пашка успел установить и включить камеру, даже начал возиться со светом, когда Богданов наконец отвлекся от компьютера. Он осмотрел кабинет так, будто увидел его впервые, потом таким же взглядом посмотрел на журналиста и фотографа. Усмехнулся.

– Снимать, значит, собираетесь, – сказал он. – Мне не сказали, что будете снимать.

– Ну, вы перезвоните, уточните, – предложил Саня.

Богданов опять зло усмехнулся. Кто бы с ним ни общался, перезванивать этому человеку начальник колонии не хотел ни при каких обстоятельствах.

– Так, слушайте сюда, – сказал Игорь Валерьевич. – Времени у меня нет, так что в темпе вопросов пять...

– У нас больше, – перебил его Саня, изо всех сил стараясь сохранять ледяное спокойствие. Он прекрасно знал, что собеседник применит такую тактику: «Да, я вас пустил, меня

заставили, но, сами понимаете, человек я занятой...» И он готов был сжечь свое журналистское удостоверение, если позволит себя вот так запросто отсюда выкурить. – И мы зададим их все.

Игорь Валерьевич не привык, чтобы с ним так разговаривали. Он злился, а злость его обычно пугала окружающих. И он перешел к следующей тактике:

– Вы, молодой человек, – он чеканил каждое слово, не скрывая ни злобы, ни презрения, – много на себя не берите. Я вам не шушера какая-нибудь так со мной разговаривать, не звездюлька-однодневка, или с кем вы там привыкли общаться! И вы не на дискотеке в модном клубе, а на особо охраняемом режимном объекте! Тут, знаете, всякие случаи бывают...

Он осекся, потому что Саня начал печатать в телефоне. Богданов разозлился еще сильнее:

– На меня смотреть, когда я с тобой разговариваю!

– Не могу, – насколько возможно спокойно ответил Саня. – Я пишу сообщение моему шеф-редактору, что разговаривать вы отказываетесь. Он немедленно передаст это... Ну, вы знаете кому.

Богданов подался вперед:

– С чего я отказываюсь-то? Кто вам сказал, что я отказываюсь? – Он откинулся обратно и сменил тон. – Я границы разговора хочу обозначить, а не отказываюсь от него!

Саня убрал телефон. Наступило время третьей тактики, и вот тут надо было быть особенно осторожным.

– Ребят, – сказал Богданов, поднимая руки. Тон сменился на дружеский. – Давайте так, я же не злодей какой-нибудь. Вам нужен материал, это я понимаю. У нас тут, в колонии, знаете какие случаи бывали... Особенно при прошлом начальстве. Я вам такое расскажу, не на статью, а на целую книгу хватит!

Он по-доброму улыбнулся:

– Ну как, парни, договор?

– Да, – согласился Саня, – но сначала про побег Залепиных поговорим.

Улыбка Богданова исчезла так же внезапно, как и появилась. Он посмотрел на Пашку и спросил:

– Камера включена уже?

– Да.

– Давай на минутку выключим.

– Нет.

Он помотал головой, разгоняя дурные мысли. Посмотрел на Саню и сказал очень спокойно:

– Я сейчас крикну, сюда набегут мои ребята. Ты, может, и успеешь отправить сообщение свое, но пользы вам лично от этого никакой уже не будет. Тут у нас в болотах люди пропадают через день, хрен кого найдешь.

И это уже была отнюдь не тактика. Возможно, впервые с того момента, как журналисты зашли в его кабинет, Богданов говорил предельно честно. Саня попытался объяснить ситуацию:

– Вам стоило сделать это до того, как мы зашли и сообщили, что мы здесь. Могли бы тогда сказать: «Знать не знаю, никаких журналистов не видел». А теперь уже поздно. Они приедут, они будут рыть и накопают... А главное, я же родился в Тихом, Кузнецов Сашка, может, помните?

Глаза Богданова расширились. Саня не ожидал, но очень обрадовался, что его местное происхождение вызвало такую реакцию.

– Я вот вас очень даже помню. Вы тогда еще никаким начальником не были, жили через две улицы от нас. Мама моя тут учительницей была, с вашей женой дружила. И когда я зашел, охранники ваши меня вспомнили... Короче, давать заднюю поздно.

Саня шел ва-банк и знал об этом. Но если Богданов не побоялся произнести такие угрозы под запись, то отступить ему уже точно было некуда.

Игорь Валерьевич растекся по креслу. Молчал с минуту, не меньше. Потом наклонился головой над столом и подпер ее руками.

– Сука, – тихо сказал он. – Кузнецов Сашка, значит... Как же так-то? Ты почему тут? – Богданов вопросительно посмотрел на Саню, и тот растерялся: странный был вопрос.

– Потому что... задание редакции, – это лучшее, что он смог придумать.

– Вот оно как... Ну да, ну да, конечно...

Речь Богданова стала тише, в нем уже не чувствовалось ни власти, ни самоуверенности. Он открыл верхний ящик стола и достал оттуда бутылку виски. Она была в подарочной упаковке – явно дорогой презент. Он нещадно вскрыл его и стал пить прямо так, из горла.

Саня посмотрел на Пашку. Тот стоял возле одного из световых боксов и смотрел на пьющего огромными глотками Богданова даже как-то восхищенно.

Начальник колонии с шумом поставил бутылку на стол.

– Игорь Валерьевич, мы хотим узнать...

– Про Залепиных, да. Вот чувствовал, что все это... что карма мне обратно вдарит. Но выбора не было. Вы поймите, если б во мне было дело, я бы ни за что на такое... Но тут-то...

Он вроде бы и хотел рассказать больше, но посмотрел на Саню, на Пашку, на снимающую камеру и вдруг осознал, что не сможет добиться ни сочувствия, ни понимания. Вместо этого он вдруг спросил у Сани:

– Я в заднице, да? – Показал пальцем вверх. – Там уже все решили?

Может, и не стоило, но Богданов с первых минут вел себя слишком нагло, слишком самоуверенно, и вот эта его вдруг проявившаяся слабость никакой жалости не вызывала. И поэтому Саня ответил без обиняков:

– Да.

Богданов обреченно кивнул:

– Хрен вы доберетесь... Не докопаетесь, поняли? Не найдете!

В этот момент он снова потянулся к выдвинутому ящику стола, но вместо очередной бутылки достал оттуда пистолет. Деловито снял его с предохранителя, передернул затвор и, прежде чем Саня успел хотя бы испугаться, засунул ствол себе в рот.

Выстрелил.

Глава третья

Их так и не признали сектой. Не хватило формальных признаков.

Во-первых, фанатики этой квазирелигии не жили одной общиной, а собирались несколько раз в неделю, как какой-нибудь читательский кружок или клуб по интересам. Во-вторых, от них не требовалось передать все имущество организации и ее лидерам. Даже никаких обязательных денежных взносов не было. Может, и имелись какие-то добровольные пожертвования, но в том и дело, что действительно добровольные.

На прочие деструктивные секты, расплывшиеся в то время по всей стране, все это было крайне непохоже. И на собраниях людям не промывали мозги, «община» (хотя и так называть ее – неверно) не пыталась завербовать как можно больше членов. Да что там, во времена «Последнего Оплота Господня», «Пути к Божественной Истине» и прочих «Служителей Наибогагой Силы» у секты из Тихого не было даже какого-нибудь самого захудалого и скромного названия.

И все же во что-то они там верили. По отдельным их рассказам можно было понять, что не просто так они собираются вместе раз или даже два в неделю. Они касались чего-то запредельного, даже божественного. Их лидером был Абрамов Алексей Андреевич, и – снова нетипично – не какой-то мошенник и процельга, а уважаемый ученый, физик.

Секта Тихого очень мало оставила после себя, не было у них хоть какого-нибудь тоненького журнальчика, не то чтобы уж священного писания. Пожалуй, кривая спираль, начертанная тут и там в поселке, – то немногое, что можно назвать следом существования странной секты Тихого. Ее и кошмар, случившийся в августе 1996 года...

* * *

– Жесть какая!

Пашка сидел в углу, подтянув колени и обхватив голову руками. Начнет раскачиваться – окончательно станет похож на типичного сумасшедшего. Но его желудок хотя бы выдержал. Саню стошнило. Не сразу – минут через десять, когда до него вдруг начало доходить произошедшее. Когда картинка сползающих по стене кровавых ошметков резко, пощечиной, прилетела из памяти.

Богданов умер, сомнений тут не было никаких: его голову после выстрела дернуло назад, а потом она упала на грудь, демонстрируя отсутствие задней части черепа. Пуля на выходе забрала с собой огромный кусок мозга, небрежно разбросав его по стенам, будто художник, эпатирующий публику.

Звук выстрела оглушил Саню, вид мертвого тела парализовал. Саня помнил, как его пытались поднять со стула и увести... Он думал, что это был Паша, но оказалось, что в комнату вбежал Гена, ждавший их у двери.

Вид у Гены был совершенно безумный. Он орал благим матом, пытаясь выяснить, какого хрена тут, собственно, случилось. Пашка что-то отвечал ему. Наконец Гена догадался обойти стол и обнаружил пистолет, который выпал из рук Богданова. Поэтому, когда в кабинет вбежали другие охранники колонии и первым делом повалили на пол журналистов, Моряков пришел Сане с Пашкой на помощь.

– Это не они! Игорь Валерьевич застрелился! – кричал он, но в глазах окружающих встречал полное непонимание.

– Как застрелился?

Генка предложил осмотреть тело, показал, где лежит пистолет.

– А если они застрелили, а потом ему подбросили? – предположил кто-то, и журналистов снова скрутили, на этот раз даже наручники надели.

– Пускай менты разбираются, – подытожил лупоглазый, судя по погонам, лейтенант, и остальные с ним согласились.

Как ни странно, в колонии не нашлось лишних помещений, в которых можно было запеть Саню с Пашей. Поэтому их закрыли в маленькой комнате прямо в административном корпусе. Комната эта, видимо, служила чем-то вроде кладовой: тут и стеллажи стояли со старыми бумагами, и ведра, и швабры. Окно было маленьким и под самым потолком, но и оно зарешеченное.

Пашка сразу уселся и ушел в себя: что-то периодически бормотал, в основном нецензурное. Саню из реальности тоже вышвырнуло, но по-своему. Он залип взглядом на стену и никак не мог выкинуть из головы ощущение какого-то странного дежавю. Он уже бывал здесь. Не прямо *здесь*, не в этом моменте времени и точке пространства. Но здесь: в окружении четырех стен...

– Не могу, Саш, прости, я так больше не могу.

Она уже подобное говорила, но в этот раз, и это было хуже всего, она произносила эти слова ровным спокойным тоном. Это не истерика была, не решение, принятое на эмоциях, не манипуляция, чтобы изменить его поведение. Это было извещение от налогового органа, информирующее тебя о накопившихся пенях. Ты знаешь, что выплатить их у тебя нет никакой возможности, и можешь пребывать в отчаянии или ярости, но бумага, которую ты держишь в руках, написана спокойным холодным тоном – в ней нет ни грамма человечности. Сплошная казенщина, которую не оспорить.

Когда она встала, он подался вперед, сам не знал зачем, но она резко отступила на шаг и подняла руки:

– Не надо! Саш, если ты еще хоть на шаг подойдешь, я закричу!

За год жизни он ни разу не ударил ее, но она все равно его боялась. Она не была уверена, что знает, чего от него можно ожидать, да и сам он, в общем-то, в себе не был уверен.

Телефон в ее руке зазвонил, она ответила на вызов:

– Да, сейчас выйду. Нет, все хорошо, минутой.

– Кто это? – Он ненавидел себя за этот вопрос. Он этим вопросом убивал любую надежду, если та еще оставалась. Но не мог не спросить.

Она назвала имя подруги и, зная, что он не поверил, показала экран с недавними вызовами. И да, это стало точкой. Видно было, насколько неприятно ей оправдываться и объяснять, что-то ему опять доказывать... Она делала это в последний раз.

Саня мог бы поклясться, что все изменится, но вот только он уже давал ей такую клятву, и не раз. Но поделаться с собой ничего не мог. Саня изучал найденные в ее карманах чеки, заглядывал в сумку, читал переписки. Он так боялся ее потерять, что любая подозрительная мелочь превращалась в его голове в доказательство неверности. Последней каплей стала переписка с той самой подругой, которая сейчас ждала ее у подъезда. Часть сообщений отсутствовала, что сразу привело его в ярость. Но среди оставшихся говорилось о чем-то, «о чем Саша, надеюсь, не догадывается». Он не спросил ее и, как всегда, не захотел спокойно обсудить увиденное, он бросил ей это как обвинение, он кричал, он требовал назвать имена любовников... Это был далеко не первый такой их скандал, и каждый раз она плакала, объясняла, что Саня все не так понял, и потом это оказывалось правдой. Но на этот раз она смотрела на него холодными уставшими глазами, и в какой-то момент он осекся.

Она позвонила подруге по громкой связи и потребовала произнести четко и ясно, о чем был тот их разговор. Оказалось, что она готовила ему сюрприз к Дню журналиста – его профессиональному празднику. Хотела подарить ему новенький планшет, о котором он мечтал. А

еще попросила подругу приехать и помочь ей отвезти вещи: она уходит от Саши, «да, на этот раз точно, нет, не помиримся».

Он помнил ощущение четырех холодных стен, в которые загнал себя сам. И это ощущение сейчас преследовало его, как в тот вечер.

Сама кладовая, в которую их привели охранники, была на том же этаже, что и кабинет начальника колонии. Так что они слышали беготню, громкие переговоры по рации и телефонам, которые минут через двадцать начали стихать. И послышался голос Гены. Тот просил открыть комнату, где держат журналистов, хотел пообщаться с Саней, но голос, подозрительно похожий на голос лупоглазого лейтенанта, послал его куда подальше. Видимо, лейтенант все это время стоял в карауле около их двери.

Вскоре прибыла местная полиция. Они быстро осмотрели кабинет, высказали все, что думают об этом дне, ситуации и своей работе, и тоже стали куда-то звонить. Затем заглянули к журналистам, задали пару вопросов да так и ушли, разведя руками. Не их, мол, юрисдикция, надо ждать. Переговариваясь с охраной, полицейские предложили забрать журналистов в отделение, но потом решили, что делать этого не стоит. Люди сверху придут именно сюда, в колонию, и пусть лучше подозреваемые...

– Свидетели! – крикнул им подслушивающий Пашка, но его проигнорировали.

Так вот, пусть подозреваемые лучше тут будут.

На этот раз ждать пришлось несколько часов.

– В туалет хоть выпустите! – кричал Пашка охраннику за дверь.

Лейтенант ответил какой-то не слишком остроумной грубостью. Саня лишь порадовался, что голос у него уже не такой довольный. Ему стоять на дверях тоже было явно не в кайф.

У них отобрали телефоны. Саня корил себя за то, что растерялся, надо было сразу шефу звонить. Времени, как он теперь вспоминал, было вагон. Но опять же – как тут не растеряешься.

«Не докопаетесь, поняли?» – это Богданов сказал перед смертью с каким-то даже внутренним торжеством. У него был секрет, какая-то тайна, настолько важная, что по сравнению с ней жизнь не стоила ничего. И он унес эту тайну туда, где ее уже не отнять, не выкупить, не выпытать. То, что хранило этот секрет, сейчас засыхало на стене.

Наконец приехали люди из столицы области. Судя по звукам, их было немного, и вели они себя спокойно и деловито. К журналистам они зашли далеко не сразу, хотя, казалось бы, первым делом нужно было задать вопросы именно им. Но это, видимо, было какой-то фээсбэшной фишкой: узнать как можно больше *до* общения со свидетелем-подозреваемым.

Федеральная служба безопасности, конечно, приглядывала за крупнейшим интернет-СМИ страны. Чаще они вызывали главного редактора к себе, но иной раз снисходили до появления собственными персонами. Так что с пятнок-другой федеральных безопасников Саня в своей жизни уже видел. Поэтому совсем не удивился, что вошедший не был похож на Джеймса Бонда и вообще на представителя одной из самых могущественных силовых структур в стране. На кого он был похож, так это на обычного человека, лицо которого невозможно запомнить или выделить в толпе. Одет он был в поношенную рубаху в крупную клетку: ее цвета находились в спектре от зеленого, настолько бледного, что он был скорее серым, до песочного, настолько выцветшего, что он почти ничем не отличался от соседнего зеленого. На ногах были простые потертые джинсы. Возраст определить тоже было непросто: то ли плохо выглядящий тридцатилетний, то ли хорошо – пятидесятилетний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.